

А. И. С П И Р И Д О В И Ч

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

И

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВ,
НАЧАЛЬНИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ
ДВОРЦОВОЙ ОХРАНЫ НИКОЛАЯ II

Александр Иванович Спиридович
Великая война и Февральская
революция 1914–1917 гг.
Воспоминания генерал-
майора Отдельного корпуса
жандармов, начальника
императорской дворцовой
охраны Николая II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68469319

*Великая война и Февральская революция 1914—1917 гг. Воспоминания
генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, начальника
императорской дворцовой охраны Николая II:
ISBN 978-5-227-09867-2*

Аннотация

Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович был человеком, преданным императору Николаю II и самой идее монархической власти. С началом Первой мировой войны А.И. Спиридович сопровождал государя в поездках на фронт, обеспечивая его охрану, в Ставке и

во фронтовых частях. В 1915 году за служебные успехи А.И. Спиридович был произведен в генерал-майоры. Летом 1916 года Николай II назначил Спиридовича градоначальником в Ялту. Война, по общему убеждению, шла к победному концу, и Ялту, любимый крымский уголок императора, следовало превратить в «русскую Ниццу», а для этого нужен был инициативный, честный человек, слуга закона. Генерал энергично взялся за дело, но... история приготовила для Российской империи иной сценарий... В феврале 1917 г., в разгар революционных событий, генерал Спиридович оказался в Петрограде, в деловой поездке, и мог наблюдать все происходящее своими глазами. Крушение Российской империи, свержение монарха и последующие события он воспринимал как большую трагедию.

Личные воспоминания А.И. Спиридович дополняет множеством официальных документов, что делает повествование особенно достоверным.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От издательства	6
Книга 1	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	46
Глава 4	57
Глава 5	80
Глава 6	101
Глава 7	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

**Александр Иванович
Спиридович
Великая война
и Февральская
революция 1914–1917 гг
Воспоминания генерал-
майора Отдельного корпуса
жандармов, начальника
императорской дворцовой
охраны Николая II**

© «Центрполиграф», 2022

От издательства

Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Александр Иванович Спиридович был человеком, искренне преданным императору Николаю II и самой идее монархической власти. Поэтому крушение Российской империи, свержение монарха и все последующие события он воспринимал как большую трагедию.

Начинал свою службу Спиридович как пехотный офицер в Оренбургском полку, но через несколько лет он был переведен в Отдельный корпус жандармов, где честно боролся за интересы родины, так, как он их понимал. Начало XX века в России ознаменовалось невероятным подъемом революционной борьбы, тесно связанной в то время с разгулом терроризма. Формировавшееся и быстро ставшее популярным в обществе движение социалистов-революционеров открыто заявляло, что главное средство революционной борьбы – это террор. «Деятельность террористическая и разрушительная: убийства важных правительственных лиц, предателей, взрывы и поджоги правительственных зданий, таких как жандармские управления и т. п.» должна была, по мнению революционеров, привести к ослаблению режима и социалистическому переустройству общества.

А.И. Спиридович отдал много сил борьбе с революционными радикалами и свой опыт изложил в двух книгах,

объединенных темой «Революционное движение в России»: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники». Нельзя сказать, что борьба давалась ему легко. В 1905 году он был тяжело ранен социал-демократом П.М. Руденко. Восстановившись после ранения, Спиридович был назначен начальником дворцовой охраны и стал отвечать за личную охрану государя и членов его семьи, сопровождая Николая II в поездках.

Трагическая гибель П.А. Столыпина едва не стоила Спиридовичу службы и свободы – на него попытались свалить вину за «неприятие мер», отдав жандармского полковника под суд. Но император продолжал ему доверять. Спиридович, даже находясь под следствием, не был отстранен от должности, а в 1913 году уголовное дело против него было прекращено.

С началом Первой мировой войны А.И. Спиридович постоянно сопровождал государя в поездках на фронт, обеспечивая его охрану, особенно после того, как Николай II принял на себя верховное командование армией и множество времени проводил в Ставке и во фронтовых частях. В 1915 году за служебные успехи А.И. Спиридович был произведен в генерал-майоры.

Летом 1916 года Николай II назначил Спиридовича градоначальником в Ялту. Война, по общему убеждению, шла к победному концу, и Ялту, любимый крымский уголок им-

ператора, следовало превратить в «русскую Ниццу», а для этого нужен был ответственный, инициативный и при этом честный человек, слуга закона. Генерал Спиридович энергично взялся за дело, но... история приготовила для Российской империи иной сценарий...

Книга «Великая война и Февральская революция» основана на личных впечатлениях А.И. Спиридовича, находившегося рядом с вершиной власти. Но это не просто мемуары, это попытка исторического анализа фактов, дающих гораздо более широкую картину, чем взгляд одного человека. Если военные события Спиридович мог наблюдать в штабе Ставки, черпать сведения из разговоров с командующими и на фронтах, то во время Февральской революции он, оказавшись в командировке в Петрограде, был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и вышел на свободу только в октябре 1917 года. Однако генерал провел большую, скрупулезную работу, изучив официальные документы, опубликованные воспоминания и письма участников событий, а также собрав их рассказы и комментарии, поскольку с большинством был лично знаком. Все происходящее было им восстановлено не просто по дням, а по часам.

Труды А.И. Спиридовича были высоко оценены русской эмиграцией за их достоверность и непредвзятость. Его не раз приглашали читать лекции об исторических событиях начала XX века, царской семье, революционном движении в России и ходе Первой мировой войны. Он не просто был оче-

видцем, он знал множество тайн и скрытых причин происходящего.

Книга 1

Глава 1

1914 год. – Война. – Первые дни после объявления войны. – Взрыв патриотизма. – Разгром немецкого посольства. – Присоединение Англии. – Около Верховного главнокомандующего. – Прием Государственного совета и Государственной думы. – Сплетни о шпионах. – Аресты немцев в Петергофе. – Отъезд Верховного главнокомандующего в армию. – Поездка царской семьи в Москву. – Новое в охране. – Что омрачило пребывание государя в Москве? – Посещение Троице-Сергиевой лавры. – Возвращение в Царское Село. – Первые хорошие вести с войны. – Казак Кузьма Крючков. – Наша неудача в районе Мдава-Сольдау. – Сплетни. – Приезд из-за границы графа Витте. – Наши победы в Галиции и новый взрыв патриотизма. – Возвращение Распутина. – Приготовления к путешествию государя. – Организация охраны. – Моя поездка в Ставку Верховного главнокомандующего

Взрывом патриотизма ответила Россия на объявление нам войны. Речь государя в Зимнем дворце, как электрическая искра, пронеслась по России и всколыхнула всех. Петербург кипел. В Петергофе было как-то особенно торжественно спокойно. Мой начальник, вернувшись из Зимнего двор-

ца, затребовал сведения о составе императорских поездов. Государь думал лично стать во главе командования армией. Но Совет министров отговорил его величество, и Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич (21 июля). В столице, в военных кругах, это назначение приняли как должное. Петербург еще больше забурлил. Объявление войны Францией вызвало манифестации перед французским посольством. Толпы народа всякого звания и положения ходили по улицам с царскими портретами и флагами и пели «Спаси Господи люди Твоя». Кричали бесконечное «ура!».

22 июля в газетах появились сведения, что немцы задержали на границе поезд с императрицей Марией Федоровной и ее величеству пришлось вернуться в Данию. Негодование было общее.

Появилось известие, как великий князь Константин Константинович должен был пешком перейти границу. Все бранили немцев. К вечеру я был послан в Петербург за всевозможными справками. Погода дивная, летняя. Невский полон народу. Было уже темно, когда я вошел в один из ресторанов и едва успел сесть, как кто-то вбежал с криком: громят немецкое посольство. Я поспешил туда. По Морской бежал народ, скакали извозчики, неслись автомобили. Громадная толпа, с царским портретом впереди, шла к посольству. Слышались ругательства, угрозы по адресу Германии, императора Вильгельма.

Странное зрелище увидел я, подъехав к площади, где на углу Морской возвышалось суровое здание немецкого посольства. Толпы народа, вперемежку с извозчиками и автомобилями, запрудили всю площадь и тротуары около посольства. Эскадрон конных жандармов удалял публику с тротуара посольства. Против здания, к стороне Исаакия, горел громадный костер. Там копошились пожарные.

– Это жгут вильгельмовские портреты, – сказал подбежавший ко мне юркий молодой человек и, прибавив, что скоро будет еще лучше, убежал.

Громадное здание посольства было освещено только внизу. Там бегали какие-то люди и выбрасывали в окна какие-то предметы. Скоро появился свет во втором этаже, затем и выше. Бегающие фигуры появились во всех этажах. Особенно суетилась там какая-то барышня в шляпке. Кипы бумаг полетели из окон верхнего этажа и, как снег, посыпались листами на толпу. Летели столы, стулья, комоды, кресла... Все с грохотом падало на тротуары и разбивалось вдребезги. Публика улюлюкала и кричала «ура!». А на крыше здания какая-то группа, стуча и звеня молотками, старалась сбить две колоссальные конные статуи. Голые тевтоны, что держали лошадей, уже были сбиты. Их сбросили с крыши и, под восторженное «ура!», стащили волоком к Мойке и сбросили в воду. Около, на тротуаре, стал городской. Кругом меня все галдело. Галдела интеллигенция. А из посольства все летели, летели разные предметы. Раздававшийся от падения треск и

грохот вызывал «ура!». Чем сильнее был треск от разбитого, тем громче было «ура!» и улюлюканье. Полиция только просила не ходить на тротуар посольства. Эскадрон стоял наготове. На площади был сам министр внутренних дел Маклаков, был и только что назначенный новый градоначальник князь Оболенский.

Вдруг пронеслось, что на чердаке громилы нашли труп убитого человека. То был русский, долго служивший в посольстве. В группе начальства заволновались. У эскадрона жандармов послышалась команда. Публику стали просить расходиться. Никто не слушался.

Появилась пожарная машина, в толпу направили струю воды, люди с хохотом стали разбежаться. Я сел в экипаж и поехал телефонировать моему начальнику. По дороге обогнал большую толпу. Шли громить австрийское посольство, но полиция не допустила разгрома. Я доложил обо всем генералу Воейкову¹. Он просил меня остаться в городе до утра. Утром, едучи на вокзал, я проехал посмотреть на посольство. Жуткая картина. Колоссальное здание зияет разбитыми окнами. На крыше покосившиеся лошади. Их не сумели сбить. Тротуары завалены грудями обломков и осколков. Полиция не позволяет приближаться. Публика смотрит молча. Ходят на Мойку смотреть, где сброшены статуи.

23 июля стало известно, что Англия присоединилась к со-

¹ Генерал-майор свиты В.Н. Воейков с декабря 1913 г. до 1917 г. занимал пост дворцового коменданта.

юзникам. Как-то сразу стало легче. Объявление нам войны Австрией уже не произвело никакого впечатления. Приняли как должное. Мобилизация наша протекала блестяще. У Верховного главнокомандующего, который пока поместился на Знаменке у брата, кипела работа. Назначение его начальником штаба генерала Янушкевича в военных кругах было принято неуверенно. Ничем особенным генерал не отличался, и многие пожимали плечами. Я спросил было моего начальника, каково это назначение. Он пыхнул сигарой, сказал что-то нечленораздельное и зашагал, пуская дым, по кабинету.

26 июля были собраны Государственный совет и Дума. Государь принял их в Зимнем дворце. Выйдя с великим князем Николаем Николаевичем, государь обратился к палатам с речью, которую закончил так: «Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах своей земли, но боремся за единокровных братьев славян... Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести ниспосланные испытания, что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли Русской».

Полное энтузиазма «ура!» было ответом государю, после чего говорили председатели Голубев и Родзянко.

Последний говорил с большим подъемом и чувством. Государь был взволнован речами, горячо благодарил и закончил словами: «От всей души желаю вам всякого успеха. С нами Бог». Государь перекрестился. Крестились присутство-

вавшие. Запели «Спаси Господи люди Твоя»... Все были взволнованы.

Государь вернулся в Петергоф очень довольный. Встреча государя с народными представителями произвела на всех большое впечатление. Когда же узнали, с каким большим подъемом прошло первое заседание Думы, как горячо встретила Дума министра Сазонова², всем стало как-то увереннее. Так, по крайней мере, казалось в Петергофе. Царь, правительство, страна в лице избранных, казалось, объединились в одном могучем патриотическом порыве: сражаться и победить.

В те первые дни войны как-то странно сильно стали говорить в Петербурге о шпионаже немцев. Имя графини Клейнмихель, у которой будто бы был политический салон, где немцы черпали много нужных сведений, было у всех на устах. Рассказывали, что ее арестовали. Говорили, что уже даже расстреляли за измену бывшего градоначальника Д. Все это были досужие сплетни, вздор, но ему верили. Были даже очевидцы расстрела.

Ко мне приехал один из состоявших при великом князе офицеров и просил сведений о проживающих в Петергофе немцах и об их арестах. Я направил его куда следует и помог чем мог.

А что же делало соответствующее отделение нашего Генерального штаба, – спрашивал я работавших целую ночь у

² С а з о н о в С.Д. – министр иностранных дел в 1910–1916 гг.

меня в канцелярии офицеров. Почему же оно не дает вам эти данные, почему вы обращаетесь к нам, когда это совсем нас не касается? Почему? А знает ли оно – это учреждение, – что хозяином единственной приличной гостиницы в Петергофе – «Самсон» – уже 25 лет состоит немец? Что летом он справлял свой юбилей, на который из Петербурга приезжали чины немецкого посольства? А знает ли оно, что чуть не в каждом номере «Самсона» висит портрет Мольтке, Бисмарка или иного немецкого генерала? Офицер делал удивленные глаза. А знает ли ваше начальство, что постройкой железнодорожной ветки, что пойдет по берегу из Петербурга к Петергофу, ведают немецкие инженеры? Ну, так вот и доложите кому следует у великого князя, закончил я свои справки. На Знаменке забили тревогу, благо великий князь еще был там.

1 августа великий князь отбыл на фронт. Едучи на вокзал, он еще раз заехал попрощаться к государю.

3 августа вечером государь с семьей выехал в Москву. Того требовала традиция объявления войны. Для нас вопрос личной охраны государя упрощался относительно русских, но усложнялся относительно немцев. Ожидать теперь нападения на государя со стороны какой-либо русской революционной группы не приходилось. Это было немыслимо психологически. Но среди проживавших в России немцев всегда мог найтись какой-либо молодой фанатик, который при общей повышенной нервозности мог произвести покушение

во славу своей родины. И вот по этим соображениям приехав в Москву за несколько дней до прибытия государя, я говорил на эту тему с градоначальником, с военными властями, и были приняты меры предосторожности, соответствующие новой обстановке. Тут, впервые, стало вырисовываться, не всегда ясное и определенное, отношение московских властей к немецкому вопросу в нашей внутренней жизни, что позже и повело к немецкому погрому в Москве.

4-го числа государь с семьей торжественно въехал в Москву под звон колоколов, встречаемый еще с большим, чем раньше, энтузиазмом. Теперь в нем, как в единственном верховном вожде, видели главное спасение родины, и здесь, как нигде, выказалась вся неуместность присвоения этого титула, свойственного только государю, великому князю Николаю Николаевичу. Это шло к умалению царской власти, к смешению понятий и послужило позже одной из побудительных причин принять в критический момент командование над армиями, принять эту власть Верховного главнокомандующего в свои руки.

Блестяще прошел большой выход, прекрасны были речи, обращенные к государю, но все, что делалось в Москве, не могло затмить тех минут, которые были пережиты в Зимнем дворце 20 и 26 июля. Встреча там государя с народными представителями покрывала все. И все, что делалось в Москве, была только историческая традиция, лишенная прежнего политического значения. Было и обстоятельство,

внесшее нотку горечи в то пребывание в Москве. Наследник был болен. Не мог ходить. На выходах его носил на руках как зак-конвонец. В народе много про это говорили. И когда, как в сказке, прошел по устланным красным лестнице и помосту блестящий кортеж из дворца в Успенский собор и скрылся там, в толпе стали шептаться о больном наследнике, о царице. А та, бедная, не менее его больная нравственно, чувствуя на себе как бы укор за больного ребенка, сжав губы, вся красная от волнения, старалась ласково улыбаться кричавшему народу. Но плохо удавалась эта улыбка царице, бедной больной царице... И теперь, после прохода шествия, народ по-своему истолковывал эту улыбку. И не в пользу бедной царицы, так горячо и искренно любившей свою вторую родину и принесшей ей, того не желая, так много вреда. И когда, после службы, принимая доклады, я выслушивал немногословные, но выразительные фразы, которые слышны были в толпе про царицу и старца³, нехорошее чувство закипало по адресу тех, кто провел его во дворец.

8 августа государь принял городских голов со всей России, собравшихся в Москву для разрешения вопросов о помощи раненым.

Зарождался Союз городов, так много принесший потом хлопот правительству, так много принесший пользы и так

³ Имеется в виду Григорий Распутин, чья дружба с царской семьей многим была непонятна. То, что «старец» Распутин нетрадиционными методами лечения умел оказывать помощь больному цесаревичу Алексею, до общества не доводили, и это рождало сплетни.

много истративший бесконтрольно народных денег.

В тот же день государь покинул Москву и отправился в Троице-Сергиеву лавру. Отслужили молебен, приложились к мощам угодника. Архимандрит Товий благословил государя иконой явления Богоматери преподобному Сергию. Икона писана на доске от гроба преподобного. Со времен Алексея Михайловича она сопровождала государей в походах. Его величество повелел отправить икону в Ставку.

Из лавры царская семья вернулась уже не в Петергоф, а в Царское Село.

Непохожая на прошлые года пошла жизнь в Царском Селе. Все было занято войной, все для войны. Повсюду в Царском устраивались госпитали. Государыня работала в этом направлении не покладая рук. Выдвигались по новой работе новые люди. Говорили о блестяще проведенной мобилизации, что приписывали Сухомлинову и главным образом Лукомскому. Объявленный 3 августа манифест к полякам поднял большие разговоры. Было непонятно, почему такой важный акт издан не от имени государя, а великим князем. Многие видели в этом умаление царской власти. Порицали Сафонова.

Объявление 10 августа Японией войны Германии придало больше уверенности в окончательной победе. Это совпало с первыми хорошими вестями с фронта.

4 и 5 августа наши армии Северо-Западного фронта, 1-я под начальством генерала Ренненкампа и 2-я – генерала

Самсонова, под общим управлением командующего фронтом генерала Жилинского, начали наступление на Восточную Пруссию. Делалось это по настойчивой просьбе французов. Надо было оттянуть наступавших на Париж немцев. Армия генерала Ренненкампа стремительно вторглась в Пруссию и победоносно продвигалась вперед, сметая все на своем пути севернее Мазурских болот. Южнее Ренненкампа наступал Самсонов, обходя болота с запада. Стали приходить первые радостные вести. Прилетел слух о легендарных подвигах казака Крючкова. Дошли вести об отдельных подвигах гвардейской кавалерии. Конной гвардии ротмистр барон Врангель в конном строю взял неприятельскую батарею.

Но вскоре поползли и нехорошие слухи. В Петербург стали подвозить раненых. Заговорили, что в армии Самсонова что-то нехорошо. Ставка молчала, что увеличивало тревогу. И вот стало известно наконец, что армия Самсонова понесла поражение.

17 августа немцы окружили наши 13-й, 15-й и часть 23-го корпуса и взяли в плен до 90 000 человек. Пропал без вести генерал Самсонов. Говорили, что застрелился. Все эти сведения проникали от раненых и разными путями. Когда же появилось запоздалое сообщение Ставки, ему уже не верили. Над ним смеялись. И пошли разные вздорные сплетни. Стали болтать о какой-то измене генерала Ренненкампа, стараясь этим объяснить наше поражение. Конечно, это был полный вздор. И уже тогда было заметно странное яв-

ление, которое неизменно продолжалось затем всю войну. Всякому вздорному слуху об измене в тылу как-то злорадствовали. Точно, если бы это и была правда, то измена-то вредила нам же, а не кому иному. Точно, если бы это и была правда, то как будто это не был наш позор.

Сильно стали бранить Генеральный штаб и вообще генералов. Бранили Ставку, что та, ради помощи французам, пожертвовала несколькими сотнями тысяч, заведомо зная, что наступление на Восточную Пруссию обречено на неудачу. А те, кто был против войны с Германией, выставляли случившееся как первое доказательство их правоты. Заговорили о записке Дурново⁴. Вернувшийся в Петербург Витте не стеснялся говорить о безумии войны против Германии. Доказывал, что нужно с ней покончить. Это доходило до государя и очень его сердило. Говорили о существовании у нас германофильской партии.

Между тем с юга, из Галиции, шли радостные слухи. Армии Юго-Западного фронта (3-я, под начальством генерала Рузского, 8-я – Брусилова, 4-я – Зальца и 5-я – Плеве) под общим управлением генерала Иванова, начав наступление с 5 по 10 августа, успешно продвигались по Галиции. После упорных боев противник стал отступать. 20 августа был взят

⁴ Член Государственного совета, бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново в феврале 1914 г., еще до начала Первой мировой войны, подал на имя государя аналитическую записку, в которой предсказал ход войны, состав коалиций, тяготы и беды, ожидающие Россию, и социальные потрясения, вызванные войной.

Львов. 30-го – австро-германская армия уже стала отступать по всему Юго-Западному фронту. Определилась решительная наша победа. Имена генерала Брусилова и Рузского, как главных виновников победы, повторялись всеми. Хорошо говорили о генералах Лечицком, Плеве, Эверте. Овладение искони русскими областями Галиции, откуда упорно изгонялось все русское и откуда насаждалось новое немецкое украинофильство, подняло вновь взрыв патриотизма среди правой интеллигенции. Вновь вспыхнуло недоброжелательство ко всему немецкому. Все немецкое порицалось. Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Некоторые стали менять немецкие фамилии на русские. Штюрмер сделался Паниным, хотя все продолжали именовать его Штюрмером.

31 августа приехал в Петроград Распутин. Он, так энергично стоявший против войны, теперь говорил, что, раз ее начали, надо биться до конца, до полной победы. Во дворце им были недовольны, к нему охладели; многие же дельцы, спекулянты, поставщики стали пользоваться им для проведения своих дел. Старец стал приобретать новое значение.

Ввиду предстоящих выездов государя на фронт дворцовый комендант был очень озабочен выработкой состава императорских поездов, выяснением лиц и частей, которые должны сопровождать его величество. Все мы, подчиненные ему начальники отдельных частей, получили задания. Надо было их разработать. Генерал передавал, что число лиц свиты будет минимально. В связи с этим вопросом пошла внут-

рения борьба. Естественно, что сопровождать государя хотелось каждому. Государь же дал Воейкову соответствующие указания, которые Воейков не оглашал, но исполнял сугубо. И все обрушилось теперь на генерала. Он же был непроницаем, как всегда, и делал свое дело властно.

Относительно моей части была утверждена инструкция, по которой в императорском поезде, «литера Б», будет находиться начальник полковник Спиридович, его помощник и 25 человек младших чинов. Последние в форме. Было указано вообще, что во время войны все мои чины должны нести службу в форме. А так как все младшие чины были запасные нижние чины гвардии, армии и флота, то есть подлежали призыву, то по особому высочайшему повелению их служба во время войны сравнивалась с действительной. Это еще более приподняло дух отряда.

В половине сентября я выехал с генералом Джунковским в Ставку Верховного главнокомандующего для ознакомления с новой обстановкой на случай царских поездок. Генерал же должен был выработать план охраны по железным дорогам, в чем главную роль играл Корпус жандармов. В этих совместных служебных поездках генерал Джунковский, со многими взглядами которого на охрану я совершенно не был согласен, всегда оставался по отношению ко мне самым радушным хозяином его салон-вагона.

Глава 2

1914 год. – Ставка Верховного главнокомандующего. Положение на фронте. Первая поездка государя на фронт. – Состав свиты. – В Ставке с 21 по 23 сентября. – Болезнь министра двора. – Поездка в Ровно. – В лазарете великой княгини Ольги Александровны. – Посещение Холма⁵ и крепости Осовца. – Возвращение в Царское Село. Петербургские слухи и сплетни. – Смерть румынского короля. Начало войны с турками. – Положение на фронте в первой половине октября. – Наша победа. – Вторая поездка государя на фронт. – Генерал Дубенский и лейб-хирург Федоров. – В Минске. – В Ставке. – Герои Ставки. – Лейб-гусары и Конная гвардия. – Герои с фронта. – Поездка в Холм и Седлец. – Государь у раненых. – Возвращение в Ставку. – Посещение Ровно и Люблина. – Государь в крепости Ивангород. – Объезд полей сражения и доклад генерала Шварца. – Жалобы на шпионство евреев и меры против них. – Посещение Гродно и встреча с государыней. – Посещение Двинска и возвращение в Царское Село. – Смерть от ран князя Олега Константиновича

С начала войны и до августа 1915 года Ставка Верховного главнокомандующего была расположена при железнодорожной станции Барановичи в нескольких верстах от прус-

⁵ Ныне город Хелм в Польше.

ской границы в месте расквартирования до войны одной из железнодорожных бригад. Ряды солдатских барачных и офицерских домиков в порядке и просторно раскинулись среди сосновой рощи, соединяемые аккуратными дорожками. Деревянная церковь с колокольней придает поселку уютный вид. За ним тянется довольно густой сосновый лес. Вправо приткнулось полуеврейское местечко Барановичи, со всеми незатейливыми удобствами для солдат, для препровождения свободного времени (до войны).

Вглубь военного расположения от главного пути шла подъездная ветка, на которой жил сам великий князь Николай Николаевич, его брат Петр Николаевич, начальник штаба генерал-майор Янушкевич, генерал-квартирмейстер Данилов и еще несколько состоящих при великом князе лиц. В поезде был вагон-ресторан, где столовались за счет великого князя все жившие в поезде. Невдалеке от главного поезда стоял второй, в котором помещались прочие чины штаба. В бараках расположились канцелярии, а в красивом домике, где жил в мирное время командир бригады, поместилось управление генерал-квартирмейстера.

Для военной охраны Ставки там находился лейб-гвардии Казачий его величества полк, который в войну 1877 года составлял конвой тогдашнего Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-старшего. Для охраны по существу была команда агентов от Петербургского охранного отделения, под началом ротмистра Басова, подчинявшегося

коменданту Ставки генерал-майору Саханскому. В само же местечко было командировано довольно много чинов общей полиции для порядка, так что дело охраны можно было считать налаженным хорошо.

Ставка переживала тогда тревожные дни. На нашем Северо-Западном фронте было неблагоприятно. В конце августа (8, 9 сентября н. ст.) немцы начали наступление, и, после упорных боев, армия генерала Ренненкампа была отброшена из Восточной Пруссии и отступила к Неману. 10-го же армия отступила за [реки] Бобр и Нарев. Виновниками поражения считали Ренненкампа и главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Жилинского. Последний был сменен и заменен генералом Рузским. Его популярность по Галиции была очень велика. Она к тому же раздувалась либеральной прессой.

Семья Рузских по Киеву считалась на стороне общественности. Но были у генерала и враги, которые критиковали его поведение в Галиции и рассказывали про него всякие гадости.

С назначением Рузского положение на фронте изменилось резко к лучшему. С середины сентября он перешел в наступление и немцы стали отступать по всему фронту. 20 сентября войска 10-й армии взяли с бою Сувалки и продолжали теснить противника к границе. То была большая наша победа. Это совпало с первой поездкой государя на фронт.

20 сентября государь отбыл из Царского Села в Ставку.

Его сопровождали ехавшие в одном с ним поезде: министр двора граф Фредерикс, флаг-капитан Нилов, дворцовый комендант генерал Воейков, гофмаршал князь Долгорукий, начальник канцелярии министра двора генерал Мосолов, начальник Военно-походной канцелярии его величества князь Орлов, его помощник полковник Дрентельн, лейб-хирург Федоров и военный министр генерал Сухомлинов. Про последнего говорили, что как ученый специалист и знающий хорошо, по прежним должностям в Киеве, Юго-Западный театр военных действий, он может быть очень полезен при поездке для государя. Комендантом поезда был начальник дворцовой полиции полковник Герарди.

На час же раньше царского поезда шел двойник по внешнему виду, поезд «литера Б». В нем ехали: помощник начальника канцелярии министра двора барон Штакельберг, заведующий отделом печати той же канцелярии Суслов, их небольшая для поездок канцелярия, офицер Конвоя его величества с несколькими казаками для встреч, офицер собственного его величества полка с несколькими солдатами, два фельдъегерских офицера, заведующий царским гаражом господин Кегрес, получивший с войной офицерский чин, два чиновника канцелярии дворцового коменданта, а также начальник охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту полковник Спиридович⁶, с одним из его помощников и с командой из 25 чинов охраны. Комендантом

⁶ А.И. Спиридович тут говорит о самом себе в третьем лице.

этого поезда был полковник Ратко. Последний вагон нашего поезда составлял остроумно придуманный Кегресом вагон-гараж императорских автомобилей, где помещались и шоферы. Задняя стенка этого вагона при надобности откидывалась и превращалась в сходню, по которой автомобили выходили из вагона и входили в него. По наружному виду этот вагон ничем не отличался от других вагонов поезда.

В 5 часов 30 минут дня 21 сентября императорский поезд плавно подошел к станции Барановичи, где государя встретил Верховный главнокомандующий, после чего поезд был переведен в сосновую рощу, влево от домика генерал-квартирмейстера. Левее, на другом пути, поставили и наш поезд «литера Б». Часовые железнодорожного полка охватили широким кольцом район императорских поездов, поставили пропускные посты от частей дворцового коменданта и обрисовался район, за который отвечал уже наш генерал с подчиненными ему частями. Лил дождь, было холодно. Уныло шумел кругом лес.

Государь с великим князем поехали в автомобиле в церковь. Просторный, барачного типа храм был полон нижних чинов и офицеров. У подъезда государя встретили великие князья Кирилл Владимирович и Петр Николаевич, высшие чины штаба, группа офицеров. Отец Шавельский служил молебен. Впереди иконостаса была видна икона Божией Матери, привезенная из Троице-Сергиевой лавры, о чем говорилось выше. После службы все разъехались по своим поме-

щениям, а вечером государь долго принимал доклад в поезде Верховного главнокомандующего.

На следующий день в 10 часов утра государь один направился к домику генерал-квартирмейстера. У крыльца государя встретил с рапортом дежурный по штабу офицер, а на крыльце генерал Данилов. Там его величество занимался с великим князем, начальником штаба и генералом Даниловым около двух часов. После доклада государь принял приехавшего с фронта генерала Рузского⁷ и поздравил его своим генерал-адъютантом, а затем, до завтрака, гулял в лесу.

Вечером, после обеда, собравшись в нашем салон-вагоне, мы делились впечатлениями и новостями. Французы настойчиво просили нашего наступления. В Ставке весьма умеренно расценивали генерала Янушкевича, считали его даже неподходящим к занимаемой должности. О генерале Данилове говорили как о большом работнике, и только. Много толков подняло то обстоятельство, что к государеву докладу утром не был приглашен военный министр Сухомлинов. Того не пожелал великий князь. Ничего хорошего эти раздоры не предвещали. Великий князь продолжал свои интриги против Сухомлинова.

На следующий день с графом Фредериксом произошел легкий удар. Его болезнь во время войны была особенно нежелательна. Теперь он по должности командующего импе-

⁷ Н.В. Рузский, имевший чин генерала от инфантерии, в сентябре 1914 г. был произведен государем в генерал-адъютанты.

раторской главной квартирой получал особо важное значение. Он мог контрастировать⁸ любое высочайшее повеление. И занимая эту должность человек здоровый во всех отношениях, многое впоследствии могло бы направиться иначе, чем это произошло. Граф лично понимал, что ему пора на покой, но его почтенная супруга настаивала на сохранении места, дававшего такое исключительное положение. Государь же не хотел удалением графа обижать его. Так все и оставалось по-старому. С новым припадком положение ухудшалось.

В тот же день, 23-го, государь выехал в Ровно, куда прибыли утром 24-го. В Ровно находился большой лазарет, которым заведовала великая княгиня Ольга Александровна. Великая княгиня встретила государя на вокзале, и в одном автомобиле они поехали в госпиталь.

Великая княгиня была удивительная работница. По уходу за ранеными она ничем не отличалась от простых сестер милосердия в том отношении, что охотно исполняла всякую работу без исключения, чем приводила в большое удивление нижних чинов. Раненые ее обожали.

Осмотрев подробно госпиталь, побеседовав с сестрой, государь в час дня уже выехал из Ровно и вечером прибыл в Холм, где находился штаб главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Иванова. По пути из Хол-

⁸ От слова к о н т р а с и г н а т у р а – заверение уполномоченным министром утвержденных главой государства законов.

ма в Гродно государь приказал остановиться в Белостоке и в приготовленных заранее военных автомобилях поехал со свитой в крепость Осовец, которая незадолго перед тем выдержала мужественно страшнейшую бомбардировку. Поездка эта была организована генералами Воейковым и Сухомлиновым, неожиданно даже для Ставки, и вооружила окончательно великого князя против военного министра.

Приехав в Осовец, государь находился в поле обстрела неприятельской артиллерии. Восторг крепостного гарнизона, увидевшего государя, не поддается описанию. Встретивший государя перед крепостью генерал Шульман, комендант, не мог прийти в себя от неожиданности, увидав государя. Государь посетил церковь, пострадавшую при бомбардировке, один из фортгов, осмотрел гарнизон. При разговоре со священником спросил, было ли страшно при бомбардировке, тот ответил государю: «Никак нет, ваше императорское величество. Только мне скучно стало, когда снаряды стали ложиться близ церкви, и я пошел в храм».

Вернувшись в поезд очень довольным, государь благодарил горячо Сухомлинова и Воейкова.

Продолжали путь на Гродно. Там государь осмотрел форты и госпитали, затем проследовал в Вильно, где тоже осматривал госпитали, и 26-го вернулся в Царское Село.

Верховный главнокомандующий, придавая особое значение посещению государем Осовца, отдал о том приказ, в котором были такие слова: «Таким образом его величество из-

волил быть вблизи боевой линии. Посещение нашего державного верховного вождя объявлено мною по всем армиям и, я уверен, воодушевит всех на новые подвиги, подобных которым Святая Русь еще не видала»... .

Вечером 27 сентября стало известно, что князь Олег Константинович, служивший в лейб-гвардии Гусарском его величества полку, ранен. Князю шел 22-й год. В мае 1913 года он окончил с серебряной медалью Лицей и был зачислен корнетом в Гусарский полк. Как и вся молодежь, князь горел желанием схватиться с врагом, отличиться.

27 сентября, после полудня, вторая Гвардейская Кавалерийская дивизия наступала по направлению к Владиславо-ву. В авангарде шли два эскадрона Гусарского полка. Проходя близ деревни Шильвишки, передовые части столкнулись с немецкими разъездами. Началась перестрелка. Князь Олег стал просить эскадронного командира разрешить ему со взводом захватить неприятельский разъезд. Тот сперва не соглашался, но наконец отдал приказание. Князь Олег полетел со взводом преследовать немцев. Кровная кобыла Диана занесла князя далеко вперед. И когда победа была уже достигнута, когда часть немцев была уже перебита, а часть сдалась, один из раненых немецких кавалеристов лежа прицелился в князя. Раздался выстрел, князь свалился тяжело раненный. Раненого на арбе перевезли в Пильвишки, где он причастился. Затем повезли в Вильно, куда приехали на другой день в 10 часов утра. Перевезли в госпиталь, где исследо-

вание раны показало начавшееся гнилостное заражение крови. Пуля, войдя в правую ягодицу, пробила прямую кишку и застряла в левой. Все-таки прибегли к операции. Оперировал профессор Цеге фон Мантейфель, помогали профессора Мартынов и Оппель, присутствовал и доставивший раненого дивизионный врач Дитман.

Князь перенес операцию хорошо, и, когда днем была получена телеграмма от государя о пожаловании князю ордена Святого Георгия, он был счастлив и с гордостью показывал телеграмму профессору Оппелю. Генералу Адамовичу князь радостно говорил: «Я так счастлив, так счастлив. Это нужно было. Это поднимет дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь царского дома». Вечером, когда брат, князь Игорь, прочел полученную от Верховного главнокомандующего телеграмму, раненый сиял. Ночью положение стало ухудшаться. С утра 29-го стал впадать в забытие. Около 3 часов навестил раненого великий князь Андрей Владимирович. Затем быстро пошло на ухудшение. Начался бред. Силы падали. Стали давать шампанское. Вливали в руку соляной раствор. Когда вечером приехали родители, князь узнал их и сказал: «Наконец, наконец».

Великий князь-отец привез крест Святого Георгия, [награду] деда раненого. Прикололи к рубашке. Раненый очень обрадовался, целовал крестик. Стал рассказывать, какая была атака, но впал в забытие. Начался бред. Пригласили свя-

щенника.

Торжественная тишина. Чуть слышно шепчет священник отходную. На коленях у изголовья отец бережно закрывает глаза умирающему. Мать безнадежно старается согреть ему руки. В ногах, еле сдерживая рыдания, брат Игорь и старый воспитатель-друг. В 8 час. 20 мин. князя не стало. Императорский дом в лице юного героя принес на войне первую жертву родине.

3 октября князя похоронили в родном имении Осташево. Общество и пресса отнеслись очень тепло к смерти князя. В нем видели начинающего большого поэта. Изданный князем к юбилею Лицея в 1912 году выпуск 4 «Рукописей Пушкина», представляющий факсимиле гениального поэта, сохранившихся в музее Лицея, останется памятником о князе Олеге.

В конце сентября пришло известие о смерти румынского короля. Он был фельдмаршал русских войск. Германофил. Теперь, с новым королем, явилась надежда, что Румыния станет на сторону союзников. Наследником стал принц Кароль, которого некоторые так хотели женить на одной из наших великих княжон.

Странное было уже и тогда настроение в Петрограде. Откуда-то шли сплетни, будто государыня, и особенно ее сестра переписываются со своими немецкими родственниками. Будто государь уже хочет заключить сепаратный мир. Эти сплетни настолько были лишены какого-либо реального

смысла, что надо было лишь удивляться, как их могли распространять люди хорошего петроградского общества. (Теперь, в 1940 году, сказали бы, что это были агенты пятой колонны.) С фронта же шли слухи, что еврейское население чуть ли не сплошь занимается шпионажем. Это шло от строевых военных и авторитетно подтверждалось Ставкой. И все это переплеталось с выдумкой, будто Распутин играет на руку немцев, что было совершеннейшим вздором, вздором вполне доказанным, так как Распутин находился под зорким наблюдением трех компетентных учреждений.

Первая половина октября протекала в большой тревоге. Отвечая на нажим немцев, который стал обозначаться уже с конца сентября, на левом берегу Вислы, Ставка начала так называемую Варшавскую операцию. Из Галиции были перебросены на Вислу 9, 4 и 5-я армии, занявшие фронт от Сандомира и почти до Варшавы. Они начали наступление, пытались перейти Вислу, но потерпели неудачу. Немцы помешали; и даже заставили 2-ю армию Шейдемана, защищавшую Варшаву, отступить на линию фортов. Теперь стали обвинять Шейдемана и Иванова. Ставка взяла руководство операцией в свои руки. 1 октября 2-я и 5-я армии, переданные под командование генерала Рузского, перешли в наступление. Немцы стали отступать. Наши наступали уже всем фронтом от Варшавы до Сандомира. Отступление немцев усилилось, за ними дрогнули и австрийцы, начавшие отходить от Сана. Наши армии наступали широким фронтом (до 400 верст) от

Нижнего Буга до Карпат. Это была большая победа, окончательно определившаяся к 20-м числам октября, одержанная главным образом над германцами. Было чему радоваться.

Последний успех сгладил несколько негодование, вспыхнувшее от дерзкого по манере начала войны с Турцией. Ранним утром 16 октября турецкий флот обстрелял Одессу, Евпаторию, Севастополь и Новороссийск, без объявления нам войны. На такой шаг турки пошли, конечно, только под влиянием немцев. Манифест государя о войне с Турцией нашел горячий отклик в обществе. Заговорили о Константинополе, о Святой Софии... Вспоминали имена Скобелева, Гурко, Радецкого и других героев Турецкой войны 1877–1878 годов.

21 октября исполнилось 20 лет царствования государя. Утром их величества приобщились Святых Тайн в Феодоровском соборе. День был яркий, солнечный. Через несколько часов императорский поезд унес государя в действующую армию. Его величество сопровождали все лица первой поездки, кроме графа Фредерикса и Мосолова. Вновь был взят Н.П. Сабчин. В поезде «литера Б» был новый человек – отставной генерал Дубенский, которому было поручено составление описаний поездок государя. Его прикомандировали к канцелярии министра двора, и в поездках он подчинялся непосредственно барону Штакельбергу. Купе генерала было соседним с моим, и мы стали сходитья с ним с первых же дней. Генерал внес в наше общество свежую струю извне.

В первый же вечер, когда мы собрались после обеда в го-

стиной, Дубенский стал расспрашивать, что такое Распутин, почему он играет роль при дворе и т. д. Это было так неожиданно и странно коснуться именно этой темы, о которой мы никогда между собой не говорили. Стали ему разъяснять, что никакого влияния его нет, что все это сплетни и т. д. Но странно, в нашем поезде столкнулись два разных теперь начала. То же было и в царском поезде. Там чужое начало принес с собой лейб-хирург Федоров. Женатый на москвичке из купеческой семьи, он хорошо знал среду купечества и много говорил об этой силе, все более и более добивавшейся власти. Имена Рябушинских, Второвых, Гучковых и других москвичей пересыпались в разговорах с Федоровым. Много там было неясного, недоговоренного, что уразумелось только потом.

22 октября государь прибыл в Минск и, осмотрев несколько госпиталей, выехал в Ставку, куда приехали к вечеру того же дня.

В Ставке царило приподнятое настроение. Отступление немецких армий по всему фронту считали победой, а на турецком фронте наши взяли Баязет. Заслугу по операциям против немцев приписывали Ставке. Великий князь, генералы Янушкевич и Данилов были награждены Георгиевскими крестами. Попутно поругивали за нерешительность командующего Юго-Западным фронтом Иванова. Очевидно, его карьера была кончена. Он был стар.

24-го государь смотрел свой Гусарский полк, а на следую-

щий день Конную гвардию. Благодарил за подвиги. Раздавал награды солдатам и офицерам.

Вечером 25-го государь выехал в Холм, куда приехал утром на следующий день, посетил собор и госпиталь Красного Креста, который был переполнен ранеными в боях на Сане. Входя в палату, государь обычно здоровался вполголоса и после ответа начинал обходить раненых по кроватям, останавливаясь и разговаривая с каждым. Просто и хорошо разговаривали солдаты, хотя и волновались от восторга. «Как же ты ранен?» – спросил одного государь.

«Ручной гранатой, ваше императорское величество». – «А вы разве близко сошлись?» – «Да вот маленько подальше, как вы, ваше величество, стоите передо мною».

Государь улыбнулся и подошел к следующему. Особо тяжело раненым государь вручал Георгиевские медали, а некоторым кресты. Каждый крестился, принимая награду, целовал медаль или крест, благодарил государя. И с каким восторгом смотрели они на государя! Один, тяжело раненый в Холме, настолько был слаб, что не мог поднести к губам крестик. Он попросил сестру. Та поднесла крест к его губам, и он прильнул к нему со слезами. А пока государь обходил госпиталь, лица свиты, от имени государя, раздавали медали по другим госпиталям, посетить которые государь не имел времени. Посетив Седлец, государь 27-го вернулся в Ставку. Было сыро и холодно. Туман полз по лесу.

28-го вечером государь выехал в Ровно и провел там 29-е,

посещая госпитали. 30-го прибыл в Люблин, посетил собор, несколько госпиталей, смотрел войска и после полудня прибыл в крепость Ивангород.

Мы с генералом Джунковским приехали в Ивангород еще накануне, засветло, и успели объехать с комендантом крепости Шварцем, только что произведенным в генералы, все те места, которые предполагалось показать государю. В интересных рассказах молодого коменданта, грудь которого была украшена Святым Георгием за Порт-Артур, перед нами оживала вся героическая эпопея, только что пережитая крепостью.

С 26 сентября по 13 октября крепость не только отразила три атаки, но и своим умелым огнем прикрывала наши геройские корпуса (гвардейский и Кавказский), содействовала их переходу в наступление, поддержала их атаку и содействовала конечному успеху. Объезжая места тех удивительных сражений за Вислой, проезжая мимо, казалось бы, непроходимых болот, тех низин, которые проходили под беспрестанным огнем наши войска, чтобы выбить с высоких песчаных бугров и из сплошного леса немцев, невольно приходилось восхищаться, благоговеть перед доблестью русского солдата, русского офицера.

С воодушевлением рассказывал комендант про дружные действия всех родов войск. Там наша гвардия заставила отступить немецкий гвардейский корпус. Там наша крепостная артиллерия сделала то, что двинутая вперед пехота, сбивши

врага, уже продолжала неустанно теснить его и наши войска дошли до Кракова. В Ивангороде со дня на день уже ждали известия о взятии Кракова, как вдруг пришло известие, что войска наши остановились. Штурма Кракова не будет. Для овладения им будет сформирован отдельный корпус.

Все это рассказывалось Шварцем просто, без рисовки, без выставления себя на первый план, а, наоборот, с подчеркиванием отличных действий других.

Государь приехал 30 октября после завтрака. Кроме начальствующих лиц, государя встречал великий князь Николай Михайлович. Как только государь вышел из вагона, с крепости загремел салют и императорский штандарт взвился над крепостью, вместо обычного флага. Шварц отчетливо отрапортовал о благополучии в крепости, закончив словами: «Атака крепости трижды отбита, и неприятель трижды отражен».

Приняв рапорт, государь пожал руку коменданта и сказал: «Благодарю вас и гарнизон за доблестную оборону, в особенности крепостную артиллерию».

После представления начальников частей гарнизона государь сел в автомобиль со Шварцем и поехал в крепость. Государь расспрашивал про бои. Проезжая мимо дома коменданта, государь вспомнил, как он жил в нем в 1892 году, будучи еще наследником, вместе с императором Александром III, во время маневров, причем сказал: «Как влечет меня всегда к тем местам, которые я посещал в детстве и молодости».

Среди шпалер геройского гарнизона государь подъехал к собору. На паперти, с крестом, встретил протоиерей отец Иаков. Было отслужено краткое молебствие. Батюшка волновался и после молебна, обласканный государем, не дал приложиться к кресту никому из сопровождавших государя лиц. После выхода государя из церкви это вызвало со стороны военного министра замечание: «Что же это вы, батюшка, нас всех крестом обошли?» Батюшка смутился, а затем как-то вдруг нашелся, низко поклонился министру и проговорил восторженно: «Ваше высокопревосходительство, простите. Но когда солнце всходит – все звезды меркнут».

Государь прошел на центральный пункт управления огнем крепостной артиллерии, где командир ее подполковник Рябинин доложил на плане о расположении наших и неприятельских батарей, а Шварц сделал подробный доклад о всех событиях обороны. Осмотрев затем отнятые у немцев тяжелые орудия, снявшись группой с офицерами гарнизона, государь поехал на линию фортов левого берега. Государь вошел в полуразрушенный снарядами костел фольварка Опатство, который был сровнен снарядами с землей. Ксендз начал молебен. А сырой ветер пронзительно гудел и гулял по заваленному кирпичами храму, придавая происходившему характер чего-то необычайного, театрального. Государь поблагодарил ксендза и сделал пожертвование на восстановление костела.

Осмотрев затем укрепления вокруг фольварка, государь

проехал на форт Ванновский, где слушал объяснения коменданта и инженеров. В это время Шварцу подали телеграмму. Государь спросил: «Ну, что там?» Шварц доложил, что генерал Алексеев сообщает ему о назначении его инспектором инженеров особой армии, формируемой для осады крепости Краков.

«Очень рад, – сказал государь, – желаю вам и там вписать в нашу историю такую же светлую страницу, как вы это сделали здесь».

Уже совсем стемнело, когда государь вернулся в поезд.

Шварц был приглашен к высочайшему обеду. Государь продолжал расспрашивать про отдельные моменты обороны. После обеда, узнав, что на станции остановился поезд с ранеными, государь посетил его, разговаривал с ранеными, раздавал медали. На другой день с 7 утра государь начал смотры гвардейского экипажа, крепостной артиллерии и других войск, раздавал награды и затем вновь объезжал места недавних боев. Государь спускался в окопы, осматривал блиндажи, смотрел места, где только груды развалин да торчавшие одиноко трубы указывали, что там были поселки, настолько все было сметено ураганным огнем. На одном таком пожарище государь подошел к костру, у которого грелись двое крестьян и мальчик. Государь спросил, где их дом, откуда они. Один ответил, что дом сожгли немцы. «Они и собаку мою убили, а я за нее и пяти рублей не взял бы»⁹. –

⁹ Эти слова свидетельствуют, что собака была очень дорога крестьянину. Пять

«Чем же она мешала немцам?» – спросил государь. «Да они думали, что я шпион, а она мне помогает».

Видя простоту государя, крестьянин Осип Мазурек попросил его величество, чтобы ему дали более удобную землю под избу, чем та, где лежали только груды развалин. Государь обещал, но пока приказал выдать обоим пособия. Продолжая осмотр, государь посетил вновь строившийся костел в Брженницах и дал денег на достройку, после чего вернулись завтракать. Вновь был приглашен Шварц. Также были приглашены подполковник Рябинин и командир моряков.

После завтрака осмотр продолжался до вечера. Уже при огнях вернулись в поезд. Перед обедом Шварц был приглашен в кабинет государя. Подойдя к генералу, государь взял его обе руки и сказал: «Я еще раз хотел поблагодарить вас за доблестную одухотворенную оборону. Вот возьмите это на память». И, взяв со стола футляр с георгиевским крестом на саблю, подал генералу, обнял и дважды поцеловал.

Уже в эмиграции, вспоминая это, генерал со слезами на глазах и дрожью в голосе рассказывал мне про эти незабвенные для него минуты.

В 10 часов вечера государь покинул Ивангород.

При объездах фронта, из бесед с самими участниками боевых операций, государь многое узнавал в ином свете, чем представляла ему Ставка. В армии очень не любили некото-

рублей были большими деньгами для простого человека, но он не согласился бы продать собаку даже за такую значительную сумму.

рых генералов Ставки, и причины этого делались известны государю. В последнюю поездку особенно много пришлось услышать про ту самую операцию, которой Ставка так гордилась и за которую высшие ее чины получили Георгиевские кресты.

Много пришлось тогда услышать про массовый шпионаж евреев в пользу немцев. Жаловались военные, жаловались обыватели. Приводились бесчисленные примеры. Под Ивангородом простые польские крестьяне безыскусственно рассказывали, как евреи шпионили и рассказывали, какая и где стоит часть и т. д.

Военные были озлоблены. Отдельные случаи обобщались. Вина отдельных изменников переносилась на все еврейское население. Евреев стали выселять из районов военных действий. Стали гнать внутрь России. В Ставку летели донесения и жалобы со всех сторон, и Ставка обрушилась на еврейство рядом строгих репрессивных мер. Душою их был генерал Янушкевич. Многим в тылу эти меры казались жестокими и несправедливыми, на фронте же часто их считали еще недостаточными.

1 ноября в 10 часов утра государь прибыл в Гродно, а полчаса спустя туда прибыла государыня с двумя старшими дочерьми. Была торжественная встреча на вокзале. После завтрака государь осматривал форты. Погода была убийственная. Дул сильный холодный ветер. Государь, как бы не замечая этого, ездил с форта на форт и спокойно выслушивал

доклады генерала Кайгородова. И здесь немцы были отбиты с большими потерями.

2 ноября их величества посетили Двинск и осмотрели несколько госпиталей. В одном из них оказался пленный 74 лет. Он был подводчиком. Государь приказал освободить его из плена немедленно. Старик, заливаясь слезами, упал перед государем на колени.

Вечером того же дня вернулись в Царское Село.

Глава 3

1914 год. – В Петрограде. – Арест большевиков в Озерках. – Слухи с фронта. – Третье путешествие государя. – Отъезд в Ставку. – Что говорили в Ставке? Меры охраны при поездках государя. – Посещение Смоленска. – Генерал Сандецкий. – Посещение Тулы. – На Тульском оружейном заводе. – Государь и рабочие. – Государь в Орле. – Слова государя об уходе за ранеными немцами. – Посещение Курска и его губернатор Муратов. – В Харькове. – Отъезд на Кавказ. – Общее впечатление от виденного

На другой день после возвращения я был в Петрограде и наслушался самых невероятных рассказов в связи с войной, которые тем более казались нелепыми, так как мы только что вернулись с фронта, где все горело порывом вперед.

В Охранном отделении я узнал о предстоящем аресте большевиков. Начальником Охранного отделения был Попов. Это был честный и трудолюбивый офицер, но весьма ограниченный. Казак, с хитрецей, любимец генерала Джунковского. Времена Судейкиных и Герасимовых прошли. Такие офицеры, заставлявшие дрожать революционное подполье, были не под силу теперешним возглавителям Министерства внутренних дел. Молодой, несерьезный, но шустрый министр Маклаков передал дело борьбы с революцией всецело в руки своего помощника Джунковского. Послед-

ний же, в угоду общественности, боролся больше с Корпусом жандармов, чем с надвигавшейся революцией. И недаром, добившись права докладов государю, он не доложил в свое время только одного: не доложил о том заговоре, который замыслился против государя и царицы еще в 1915 году.

Работа большевиков в России во время войны началась с совещаний, созванных по приказу Ленина, Розенфельдом, он же Каменев, в Финляндии в Мустомьяках. Там, по соседству, жил и Горький. 30 сентября, у Каменева, собрались 14 большевиков, и в том числе члены Государственной думы: Бадаев, Муранов, Петровский и Самойлов. Каменев делал доклад по текущему моменту.

Большевики должны были вести борьбу против войны. Решено было созвать конференцию в начале ноября. Она и собралась в Озерках 3 ноября. На нее съехалось 11 членов большевистских организаций и члены Государственной думы: Петровский, Бадаев, Самойлов, Муранов и Шагов. Главную роль играл Каменев. Обсуждались знаменитые тезисы Ленина с их главным положением: «Лозунгом социал-демократии в настоящее время должна быть всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев – наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран». Рекомендовалось организовать на местах и в войсках группы для пропаганды повсюду

республики. Обсуждались и другие революционные вопросы.

По данным Московского охранного отделения, 5 ноября жандармерия арестовала конференцию, в том числе и пять членов Государственной думы.

Большевики были взяты с поличным, которого было вполне достаточно для осуждения арестованных по законам военного времени. Однако, к сожалению, этого сделано не было. Высшие военные власти, в угоду общественности, проявили необыкновенную мягкость к делу, высшие же представители Министерства внутренних дел, видимо, не понимали зловредности работы большевиков. О связи же их с немецким Генеральным штабом не знали. Ведь главный осведомитель о большевиках был провален и разоблачен¹⁰ по профессиональному невежеству все того же генерала Джунковского. Судили большевиков лишь в начале 1915 года и присудили к весьма мягким наказаниям.

С фронта приходили то радостные, то нехорошие вести. Не знали, чему верить. 12 ноября распространился слух, что один немецкий корпус попал в мешок, а затем оказалось, что он прорвался и наши потеряли 80 000 пленными. Опять ругали Ренненкампа.

18 ноября государь выехал в Ставку. Сопровождали все те же лица, только вместо Фредерикса ехал граф Бенкендорф

¹⁰ Вероятно, речь идет о Р.В. Малиновском, главе фракции большевиков в Государственной думе, который был разоблачен как полицейский агент.

и дежурным флигель-адъютантом взяли графа Д.С. Шереметьева. Граф был один из немногих друзей детства государя. Он был пожалован во флигель-адъютанты еще в 1896 году. На следующий день приехали в Барановичи. Настроение было тревожное. Государь целый день занимался с великим князем и его помощниками. Мы же, в нашем поезде, почерпнули тогда следующие сведения из непосредственных источников. 1 ноября армии Северо-Западного фронта должны были начать дружное наступление, о чем и был отдан приказ Рузского, но за неготовностью 4-й армии наступление замедлилось. Немцы сами перешли в наступление, оттеснили три наших корпуса и сделали прорыв на Лович. У нас началась перегруппировка армий, предполагалось общее наступление 5 ноября, но немцы заставили отступить 2-ю армию Шейдемана, а затем отступила 1-я армия Ренненкампа, образовался разрыв в несколько десятков верст.

Немцы устремились в прорыв, оттеснили 2-ю армию на юг, к Лодзи, и стали ее окружать. 7-го связь 2-й армии с 5-й и со штабом фронта была прервана. Положение было критическое. В тылу начиналась паника. Положение могло быть поправлено ударом 1-й армии Реннекампа, но она шла на помощь очень медленно, несмотря на приказания генералу.

К счастью, 8 ноября армия Плеве помешала немецкому обходу у Тушина Рогова, а 9-го подоспевшие наконец части 1-й армии взяли с боя Стрыко и Брезины и заставили немцев разорвать кольцо, окружавшее нашу 2-ю армию у Лодзи.

Немцы сами попали в петлю, будучи обойдены. Своевременный подход армии Ренненкампа мог принести полную им катастрофу, чего в Ставке и ждали. Немцы кидались во все стороны и, наконец, в ночь на 11-е прорвались, отняв у 6-й Сибирской дивизии Березин. Наши перешли в наступление, преследовали противника. Это был большой успех, но не тот, который мог бы быть, если бы Ренненкампа выполнил то, что от него требовали. Его обвиняли открыто, и он был отчислен от командования армией. Государь подписал о том приказ в поезде 18 ноября.

За два дня до этого в Седлеце состоялось совещание великого князя с командующими фронтами их начальниками штабов, Янушкевичем и Даниловым. На совещании выяснилось: некомплект людей, офицеров, потеря большого числа винтовок, недостаток снарядов. Жестокая действительность разрушила все предположения и расчеты нашего Генерального штаба. Совещание решило прекратить наступление и закрепляться на зимние позиции. Таковы были сведения из первых рук. Теперь стали понятны краткие сообщения Ставки, которые так интриговали своей туманностью публику, и те противоречивые сведения о «мешках», которые так волновали Петроград.

В тот же день, поздно вечером, императорские поезда отправились на Смоленск. Предполагалось посещение нескольких городов и поездка на Кавказ. Государь уезжал с фронта с большой неохотой. Положение казалось неустойчи-

вым, и его величеству хотелось быть ближе к фронту. Ставка же желала обратного.

При поездках государя по разным городам мне часто приходилось спешить заранее в данный город с нарядом охраны. Или же приходилось высылать вперед одного из помощников. Приехав в город, мы являлись губернатору и работали как бы под его главным начальством, но по нашим инструкциям. Относительно того, какие места государь посетит, эта программа утверждалась государем в поезде, по представлению дворцового коменданта, которому проект пожеланий присылали губернаторы. Выезжал обычно вперед и генерал Джунковский. Его присутствие устраняло много праздных вопросов на местах, но не нравилось лицам свиты. Он тоже был в свите. Частое его представление государю не нравилось. Говорили, что его место в Петербурге. Ему тонко намекали об этом, но он слишком был самоуверен. В Смоленск мы приехали с ним вместе, и его присутствие, при молодом и неопытном губернаторе, было очень кстати.

В 2 часа дня 20 ноября государь приехал в Смоленск. Древние кремлевские стены невольно обращали взор к далекому прошлому. Встреченный на вокзале командующим войсками Московского военного округа Сандецким и депутациями от сословий, которые поднесли много денег на нужды войны, государь проехал в Успенский собор. Выслушав краткое молебствие, приложившись к чудотворной иконе Божией Матери – Одигитрии – и осмотрев достоприме-

чательности собора, государь посетил четыре больших госпиталя. Они были полны ранеными в последних боях. Государь подолгу беседовал с офицерами и солдатами. Много говорил с 13-летним мальчиком, который вел себя геройски, помогал солдатам в боях. То был сын 21-го Сибирского полка Сергей Барамзин. Скромный, худенький, бледный, он мало походил на героя, а был таковым.

Уже стемнело, когда государь вернулся. Город был иллюминирован. Двинулись дальше. Много говорили тогда про генерала Сандецкого. Он подтянул свои войска, что многим не понравилось. Не понравилось и великой княгине Елизавете Федоровне. Его назначили в Казань. Вообще, хотя в Москве и считалось, что великая княгиня ушла от мира, но в действительности ее вмешательство в дела мирские было постоянным.

21-го утром прибыли в Тулу. Депутации поднесли много денег. Дворянство – 40 тысяч. Улицы были полны народу. Был праздник Введения во Храм, и государь, проехав в собор, прослушал всю обедню. После отправились на Тульский оружейный завод, основанный еще Петром Великим. Несмотря на праздник, завод работал полным ходом. Выделяли пулеметы.

Встреченный, кроме начальства, депутацией от рабочих с хлебом-солью, государь обошел все мастерские. Государь останавливался у станков, расспрашивал рабочих о выделке ими частей оружия, был очень доволен ответами, благодарил

рабочих и начальство. Государь посетил заводской лазарет, содержащийся на средства рабочих, и вернулся в поезд к завтраку. Было много приглашенных. После завтрака государь посетил несколько госпиталей и в дворянском принял дворян.

В 7 часов вечера императорский поезд тронулся дальше под звуки гимна и крики «ура!».

22 ноября в 8 часов утра прибыли в Орел. Вновь многочисленные депутации. Крестьянин, подносивший хлеб-соль, сказал: «Твои орловские крестьяне готовы отдать на нужды войны хлеб до последнего зерна и все достояние... Спаси тебя Христос!» И крестьянин в пояс поклонился государю. Эти немногие слова произвели большое впечатление. Государь проехал в собор и оттуда в госпитали. В одном из них находилось много немцев. Государь не пошел в их палаты, но сказал старшему врачу: «Надеюсь, что не делается никакого различия в содержании раненых, и мы не поступаем так, как наши противники, – и прибавил: – Да будет им стыдно». Около 12 часов государь вернулся в поезд, который отошел на Курск. Я приехал в Курск часа за два до прибытия государя. Мои наряды с помощником были уже на местах. Представился губернатору Муратову и поехал проверять наряды. Массы народа заполняли улицу проезда, но все стояли за протянутыми канатами. Зная, что это не понравится государю, я, именем губернатора, приказал убрать их. В 3 часа приехал государь. Встреча и проезд в собор прошли особенно торже-

ственно при необыкновенном подъеме. Посетив пять госпиталей, государь обратил внимание на широкую постановку в губернии дела помощи раненым. Курское земство на оборудование своего госпиталя пожертвовало миллион рублей (400 кроватей). Дворянство – 75 000, крестьяне, участники кредитных товариществ – 60 000. При посещении последнего госпиталя к казаку, державшему пальто государя, подошел крестьянин и спросил: «А какое пальто государя?» – «Вот это», – отвечал казак. Крестьянин взял край пальто, поцеловал, перекрестившись, и заплакал.

Около 8 часов вечера поезд отошел при криках «ура!». Задержавшись на час, я видел восторг толпы на вокзале, видел слезы радости. Растроганный губернатор подошел ко мне, торжественно поблагодарил меня за охрану и расцеловал меня. Я, признаться, растерялся, так это было неожиданно. За снятие веревок он особенно благодарил меня. Мы не раз в нашем поезде вспоминали затем эту встречу государя в Курске. Помимо порядка наружного, там было что-то неуловимо хорошее, невесомое. Муратов, которого считали ультраправым, был умный человек, прямой, энергичный. Государю очень понравилось, что он был в гражданской форме, а не в военно-походной, в которую одевались тогда многие статские, не имевшие на то никакого основания, и увешивали себя амуницией и даже револьверными кобурами. Многих называли «земгусары».

В 9 часов 23 ноября, в воскресенье, государь прибыл в

Харьков. После обычно торжественной встречи, помолившись в соборе, государь проехал в лазарет, устроенный в клиниках университета, и еще в госпиталь. Харьков поразила широкою постановкой дела призрения раненых. В городе было устроено 96 госпиталей на 10 000 кроватей, а в губернии еще 180 на 19 000 раненых. После завтрака, с приглашенными от города, государь посетил лазарет Совета съезда горнопромышленников Юга России. Председатель съезда фон Дитмар доложил государю, что в ознаменование приезда его величества съезд жертвует на нужды раненых один миллион рублей. Государь горячо благодарил за щедрый дар. Посетив затем распределительные пункты для раненых на вокзале, государь прошел в поезд. Дебаркадер был заполнен публикой. Оркестр учащихся играл «Славься»¹¹.

Публика пела с оркестром. Когда поезд тронулся, раздался национальный гимн¹². Все пели с оркестром. Настроение было настолько приподнятое, что, когда поезд скрылся, отслужили на вокзале молебен и послали государю телеграмму. На нее губернатору был прислан ответ: «Благодарю вас и поручаю передать всем собравшимся после моего отъезда на молебствие мою благодарность за добрые пожелания. Сохраню самое лучшее воспоминание о посещении Харькова,

¹¹ Патриотическая песня из оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») Михаила Глинки. Используется как неофициальный гимн России в особо торжественных случаях (например, в наши дни – при инаугурации президента).

¹² Официальный гимн Российской империи (с 1833 по 1917 г.) – «Боже, царя храни».

столь тепло меня встретившего и оказавшего так много забот о доблестных наших раненых воинах. *Николай*».

Из Харькова поезд шел на Кавказ. Впечатление от посещенных городов было самое лучшее. Не говоря о горячем приеме государя, всюду чувствовался высокий патриотический подъем, все кипело энергией. Вера в успех и победу была полная.

Глава 4

1914 год. – Поездка государя на Кавказ. – Наместник Кавказа граф Воронцов-Дашиков. – Государь в Екатеринодаре. – Казачий круг. – В женском институте. – По пути к Дербенту. – В Дербенте. – Кавказская простота. Встреча в Баладжарах. – Приезд в Тифлис. – Посещение соборов и мечетей. Государь и муфтий Гуссейн Эфенди Гаибов. – Государь у наместника. – Генерал Мышлаевский. – Государь у дворян. – Прием делегаций со всего Кавказа. – Царь и юнкера. – Прием государя городским самоуправлением. – Поездка на Кавказский фронт. – В крепости Карс. Слова государя об укреплении Карса. – В Сарыкамьши. – Поездка в Меджисингерт. На границе с Турцией. – Царский смотр героям. – Опасный обратный путь в Сарыкамьши. – Возвращение. – Остановка в Дербенте. – Владикавказ. – Остановка в Ростове-на-Дону. – Прощальная телеграмма наместнику. – На Кавказском фронте спустя две недели

Наместником Кавказа был член Государственного совета, генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков.

Прослушав лекции в Московском университете, граф начал службу в Конной гвардии еще при императоре Александре II. Он был флигель-адъютантом, участвовал в Туркестанском походе, за что имел крест Святого Георгия, командовал

лейб-гвардии Гусарским его величества полком и во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов командовал кавалерией в Руцукском отряде¹³ наследника цесаревича Александра Александровича.

Граф был дружен с покойным наследником Николаем Александровичем¹⁴ и после его преждевременной смерти стал другом наследника Александра Александровича. С воцарением Александра III граф был назначен начальником охраны его величества, а с августа 1881 года и министром императорского двора, каковую должность занимал в течение всего царствования Александра III. Государь любил графа. Императрица Мария Федоровна рассказывала старшей дочери графа, графине Александре Илларионовне, что однажды она читала такую запись в дневнике своего августейшего супруга: «Сегодня был у меня дорогой Илларион Иванович. Каждый раз, когда я его вижу, у меня становится светлее на душе».

С годами дела Министерства двора как бы уже не удовлетворяли графа. Его широкий государственный ум требовал большего размаха.

¹³ Р у ц у к с к и й о т р я д – крупное военное соединение (54 000 человек и 224 орудия) под командованием великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III, воевавшее на восточном фланге русской армии в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹⁴ Н и к о л а й А л е к с а н д р о в и ч – старший брат Александра III, который должен был унаследовать русский престол после отца, Александра II, но скончался в молодости от тяжелой болезни.

В тогдашнем Комитете министров голос министра двора имел первейшее значение. На него равнялись. Он был как бы первый министр, дававший тон министрам, как знающий намерения и пожелания государя.

Оставшись министром двора и после воцарения императора Николая II, граф просил об увольнении его после ходынской катастрофы, но государь отклонил эту просьбу. Граф отпросился в деревню, где и жил до окончания расследования. Однако и в это время, собираясь в путешествие по России и за границу, государь просил графа сопровождать его.

Летом 1897 года граф был назначен членом Государственного совета, а на его место был назначен его однополчанин барон Фредерикс.

На эту смену оказала влияние молодая императрица, с которой граф не сходил по некоторым хозяйственным вопросам, связанным с расходами, и, кроме того, говорили, что у императрицы не могло не остаться по адресу графа некоторой горечи за неласковый прием ее в 1889 году, в чем, правильно или неправильно, но обвиняли позже и графа, и его супругу. И даже вспоминали это много позже, когда престарелая графиня так красиво и мужественно встала на защиту императрицы зимою 1913 года против некоторой группы русской аристократии, о чем будет сказано в своем месте.

В 1905 году граф был назначен заместителем на Кавказ. Он принес туда весь свой обширный житейский и госу-

дарственный опыт и по всем своим личным качествам как нельзя больше подходил к новому посту. Это был поистине большой боярин, действительный вельможа, оставшийся на службе государевой, несмотря на свои несметные богатства. Зная государя Николая Александровича с колыбели, носив его некогда, в буквальном смысле, на руках, старый граф перенес на молодого монарха всю любовь верноподданного с оттенком отеческой нежности человека много более старшего его по годам. Государь же питал к графу особое уважение и любовь, согретую теплыми детскими воспоминаниями; ведь государь рос и играл с детьми графа. И это чувство не ослабевало к графу до самой его смерти. Смотреть край и войска, порученные этому замечательному человеку-вельможе, и ехал теперь государь император.

В 1 час дня 24 ноября государь приехал в столицу области Кубанского войска – Екатеринодар. Наказной атаман генерал Бабич, депутации, среди которых была даже депутация от англичан, проживавших в области, и почетный караул казаков с юбилейным войсковым знаменем и хором музыки встречали государя. Все по-особому, не как везде.

Приняв встречающих, пропустив казаков церемониальным маршем, государь с атаманом в автомобиле медленно направился в собор. Масса народа стояла по пути. За автомобилем скакал взвод казаков. Около собора собрался Войсковой круг. Старые знамена и значки, бунчуки и перначи запорожцев, грамоты, жалованные казачеству (черноморскому

и линейцам¹⁵), и даже мундир, пожалованный императором Александром II, – все эти реликвии были вынесены в Круг на встречу державному хозяину земли Русской. Государь был в кубанской форме. А кругом теснилась несметная толпа женщин, детей-казачат и глубоких стариков. Понаехали со всей области. Все взрослое, молодое было на войне. После молебна в соборе государь посетил два госпиталя, женский Маринский институт и сиротский приют.

Институтки встретили государя гимном «Боже, царя храни», а затем лихо спели старую казачью песню:

Засвистали казаченьки в поход сполуночи,
Заплакала Марусенька свои ясны очи...

Как к месту, как по моменту подходила теперь эта песня, и какой грустью отдались ее последние слова уходящего на войну казака:

Не плачь, не плачь, Марусенька, не плачь, не журился,
Та за своего миленького Богу помолился...

Юные красавицы проводили государя с неподдельным горячим восторгом.

В 5 часов государь отбыл из Екатеринодара. Путь лежал через Терскую область и Дагестан, в обход Кавказского хребта, мимо Каспийского моря и через Баладжары на Тифлис.

¹⁵ Л и н е й ц ы – кавказское линейное казачье войско.

На следующий день мой сосед по купе генерал Дубенский разбудил меня спозаранку, говоря, что грешно спать, когда настолько хорошо то, что мы проезжаем. И действительно, погода была дивная, весенняя. Справа виднелись Кавказские горы, слева расстилались степи. Проезжали Терскую область. На каждой маленькой станции было полно народа, детворы. Все махали папахами, платками, шапками, кричали «ура!»... Гуссейн Эфенди Гаибов, глухой старец 85 лет со слуховым аппаратом в руках, который он, в ожидании государя, в волнении то и дело прикладывал к уху, встретил государя во главе духовенства своего толка и сказал краткую речь. Это было при входе. Государь подал старцу руку и прошел в утопавшую в коврах мечеть. Древний муфтий был так растроган встречей с государем, его лаской и вниманием, что поднял руку и, показывая ее окружающим, повторял: «Это ведь не шутка. Сам государь подал руку. Это ведь не шутка».

Посещение государем мечетей в узких восточных улицах, где едва проезжал автомобиль, произвело огромное впечатление на туземное население. Оно горячо обсуждалось простым народом.

Объехав храмы, государь проехал во дворец. Его величество прошел в комнату, где лежал больной наместник, и долго у него оставался. Во дворце разместились из свиты только: граф Бенкендорф, Воейков и граф Шереметьев (флигель-адъютант, зять наместника). Всей свите во дворце места не хватало, и на вопрос графа, кого в числе трех поместить

там, государь назвал именно этих лиц.

После завтрака государь посетил три лазарета с ранеными и вернулся во дворец, где долго принимал доклад о положении на Кавказском фронте. Перед дворцом же, как лавина, переливался народ. Вечером же, когда окна дворца осветились, толпы народа все гуще и гуще заполняли площадь. Во дворце шел обед, а перед дворцом народ ожидал чего-то.

После обеда, перейдя в белый зал, выходящий на площадь, государь слушал казачий хор песенников наместника. Хор отлично исполнял казачьи песни. Государю особенно понравилась одна старая песня запорожцев. Их взяли турки в плен. И пленные казаки гребут на галерах и поют об утерянной воле. Песня плакала по далекой родине. Уже после государь вспоминал об этой песне.

Во время концерта государь разрешил ввести группу туземцев-простолюдинов – музыкантов-дудукчи. Их ввели во главе с городским головой Хатисовым. Старший из них обратился к государю с приветствием и благодарил за то, что государь принял их – представителей простого народа – по старому кавказскому обычаю. Другие поднесли государю кавказские фрукты и сладости «табахами». Затем дудукчи стали играть. Один забил в барабан, другой во что-то вроде бубна, а несколько человек принялись по очереди плясать кавказские танцы: кинтоури, лезгинку и узардары. Государь с любопытством смотрел на необычайное зрелище, ласково поблагодарил туземцев и затем подошел к раскрытому окну.

Толпа на улице загремела «ура!». В воздух полетели шапки, папахи. Государь кланялся. Восторг был неопиcуемый.

Вечером лица свиты, которым не хватило места во дворце, поместились в той гостинице, где помещался и я. Князь Орлов, не зная истинной причины происшедшего, стал обвинять в интриге Воейкова. Когда все разъяснилось, он не преминул пройтись по адресу графини Воронцовой, называя ее Екатериной Великой за великолепие ее приема государю. Князь не лишен был остроумия, за что его некоторые и не жаловали.

Вечером князь Орлов уже знал подробно, насколько растерялся в те дни войны помощник наместника по военной части генерал Мышлаевский. Командуя фронтом, он сидел в Тифлисе и доказывал наместнику чуть ли не необходимость эвакуации Тифлиса. Такое паникерство не соответствовало ни положению на фронте, ни героическому настроению войск. Но Мышлаевский был в панике. Наместник не разделял мнения своего помощника и оставался спокоен. Он был болен. Лежал. Приезд государя и его спокойствие явились новым холодным душем для Мышлаевского. Ему были даны энергичные инструкции, и он поневоле был принужден выехать на фронт.

Генералу Мышлаевскому и его окружению приезд государя был весьма неприятен. При больном наместнике, когда Ставка была так далеко, было так спокойно. И вот приезд государя нарушил этот покой. Вокруг наместника и его по-

мощника забурлило. А князь Орлов все собирал и собирал сведения, что и как делалось в Кавказской армии.

На второй день, 27-го утром, состоялся высочайший прием военных и гражданских чинов, представителей дворянства, городского самоуправления, купечества, крестьянства. Это был день праздника 17-го драгунского Нижегородского полка, и государь, как его шеф, был в полковой форме. После завтрака государь посетил три лазарета с ранеными, много говорил с ними, многим дал награды. Вечером же, перед дворцом, состоялась грандиозная манифестация учащих всех учебных заведений Тифлиса с оркестрами музыки, фонарями и флагами, обратившаяся вскоре во всенародную. Государь несколько раз подходил к раскрытому окну, кланялся. Овации продолжались до полуночи.

28 ноября утром государь посетил военный собор, Военный музей, или храм Славы, мужскую гимназию, женский институт и епархиальное училище. После завтрака был принят экзарх Грузии Питирим, приобретший позже такую известность. Он благословил государя образом от себя и от Миссионерского просветительного братства, причем присутствовала председательница общества графиня Воронцова-Дашкова. Приняв затем депутации от молокан¹⁶, государь

¹⁶ М о л о к а н е – представители религиозного течения «духовного христианства», которое православная церковь считала вредной ересью. В селе Воронцовка Тифлиской губернии в начале XX в. был своеобразный духовный центр молокан, в 1905 г. они даже проводили там свой съезд.

осмотрел подробно склад ее величества¹⁷ во дворце, которым руководила сама графиня. Все работы были в полном ходу.

Подробным осмотром государь, видимо, хотел доставить удовольствие хозяйке, которая по праву гордилась своим учреждением. Затем государь посетил кадетский корпус и реальное училище, где были депутации от всех вообще учебных заведений Тифлиса.

В 5 часов государь прибыл на чашку чая к дворянам. Прием этот был устроен в роскошном особняке Е.И. Сараджевой. Весь цвет кавказского дворянства был там. Среди местных красавиц – а их было много – выделялась княгиня Дадашкелиани, рожденная Гамкрелидзе. Среди гостей были и графиня Воронцова, и экзарх Грузии. Государь обходил все залы, слушал музыку, очаровал всех простотою обращения, и особенно тех, с кем разговаривал. В комнате, где был сервирован царский стол, губернский предводитель князь Абхази поднес государю огромный турий рог, оправленный в серебро, с надписью по-грузински: «Великому государю нашему – грузинское дворянство, 28 ноября 1914 года». Государь горячо благодарил и, видимо, был очень доволен. После чая государь вышел из столовой, и в одной из зал предводитель дворянства поднес его величеству бокал с кахетинским вином и провозгласил за государя здравицу. Государь ска-

¹⁷ Склады ее величества – благотворительные организации для помощи фронту, которые курировала лично императрица.

зал: «Сердечно благодарю вас за ваш радушный прием и от всей души пью за здоровье и процветание тифлисского дворянства и за ваше здоровье, господа». «Ура!» было ответом государю, а оркестр играл «Мравалжамиер»¹⁸.

Государь подошел к музыкантам и просил исполнить известную грузинскую патриотическую песню «Самшобло» («Родина»). Оркестр исполнил ее вместе с хором. Прислушав затем еще несколько музыкальных и вокальных номеров, поблагодарив горячо хозяев и поручив поблагодарить госпожу Сараджеву, государь отбыл во дворец. Был седьмой час. Разъезд гостей начался много позже.

Приезд государя в Тифлис всколыхнул весь Кавказ с его глубокими ущелий до снеговых вершин. Отовсюду стекался народ повидать царя, присылались депутации из самых глухих мест Кавказа. И 29 ноября с 10 часов утра государь принимал депутации от всех сословий всех народностей: от русских, грузин, армян, ишавов, хевсур, тушинов, осетин, мусульман Тифлисской и Елизаветпольской губерний, от горцев, от православных, сирийцев, католиков, лютеран, евреев Тифлиса и от горских евреев. Государь медленно обходил депутацию за депутатией, выслушивал приветствия, принимал подношения и отвечал каждой депутации отдельно, что производило большое впечатление. На этом приеме более наглядно, чем когда-либо, особенно осязательно выяснилось,

¹⁸ «Многая лета» – национальная грузинская песня, исполняемая легендарным многоголосьем.

что для русского царя нет различий среди его подданных. Ему все одинаково равны, без различия положений, сословий, национальностей и религий.

Затем государь посетил епархиальное женское училище и военное училище. Юнкерам государь сказал удивительную речь, проникнутую чисто христианской любовью. Через два дня юнкера становились офицерами. Училище представилось образцово. Государь благодарил и юнкеров, и офицеров.

В два с половиной часа государь принял католикоса всех армян¹⁹.

Наместник вел политику благожелательную всем национальностям. Прием государем католикоса как бы подчеркивал правильность этой линии.

В шестом часу государя принимало городское самоуправление в залах Артистического общества.

Городским головою был А.И. Хатисов, близко соприкасавшийся с революционной организацией Дашнакцутюн²⁰. Кое-кто интриговал против него, но государь не желал никого обижать, и банкет был введен в программу. Встреченный при входе Хатисовым, государь прошел в зал. Хор и оркестр исполнили «Боже, царя храни». «Ура!» несло навстречу.

¹⁹ К а т о л и к о с – первоиерарх Армянской апостольской церкви.

²⁰ Д а ш н а к ц у т ю н – армянская революционная федерация, политическая партия, созданная в Тифлисе в 1890 г. Изначально ставила целью борьбу за свободу Турецкой Армении, но с 1905 г. активно занималась политической деятельностью и в российском Закавказье.

Гимн повторили три раза. Государь беседовал с гласными²¹, принял от Хатисова альбом с видами Тифлиса и в ответ на речь его сказал: «Благодарю древний город Тифлис за горячий прием, который я встретил в стенах этого дома. От души осушаю бокал за население Тифлиса и за ваше здоровье, господа».

В седьмом часу государь вернулся во дворец и в десять отбыл на фронт Кавказской армии, будучи в самом хорошем настроении от всего, что видел и слышал в Тифлисе.

Государь ехал по главному направлению, которое вело в Турцию: Тифлис, Александрополь, Карс, Сарыкамьш, Меджингерт, линия границы, Завинский перевал, позиция Ардост-Баба и далее Эрзерум. По этому пути, начиная от Карса, уже были разбросаны наши войска и их тыловые учреждения, принадлежащие к Первому Кавказскому корпусу, которым командовал генерал Берхман. Главные же силы корпуса, перейдя с началом войны границу и отбросив турок, занимали позицию Дартос – Дели-Баба, имея перед собой сильный 11-й турецкий корпус, прикрывавший Эрзерум. 11, 10 и 9-й турецкие корпуса составляли армию, оперировавшую против нас. Ею командовал знаменитый Энвер-паша, младотурок²² – идеал наших подполковников Генерально-

²¹ Г л а с н ы е – члены городских дум и земских собраний.

²² М л а д о т у р к и – политическое движение в Османской империи, добивавшееся либеральных реформ и замены неограниченной монархии конституционным правительством.

го штаба, которые лебезили перед Гучковым в ожидании от него будущих революционных благ.

От Тифлиса до Сарыкамыша шла железная дорога, поднимавшаяся все выше и выше в горы, а дальше – шоссейный путь. В 10 часов утра 30-го прибыли в Карс, с которым связано так много блестящих страниц русской военной истории. В 1828 году Карс был завоеван Паскевичем. В 1855 году Муравьевым и в 1877 году взят ночным штурмом, после чего и остался навсегда за Россией²³. На отдельной скалистой горе лепится город, над которым командует крепость. Видна и старая турецкая цитадель XVI века. Русский царь впервые посещал Карс.

Выехав из Тифлиса при теплой весенней погоде, здесь мы очутились в зимней обстановке. Легкий мороз. Туман окутал все кругом. Было как-то величественно хмуро.

Посетив собор и раненых, государь объехал форты и выслушал подробный доклад коменданта. Интересно было видеть, как, нагнувшись над разложенным на простом деревянном столе планом, комендант водил по нему пальцем и делал доклад на одном из самых высоких фортов Карса. Бы-

²³ Карс навсегда в России не остался и вскоре после описываемых событий перешел к Турции. В 1918 г. по условиям Брестского мирного договора, сепаратно заключенного советским правительством, Карс и Батум были отданы Турции. После поражения в Первой мировой войне турецкие войска оставили Карс, и он был занят англичанами, вскоре передавшими его в состав Армянской республики. Но в 1920 г. турецкие войска снова заняли Карс, что закрепил Карский мирный договор 1921 г. В 1953 г. правительство СССР окончательно отказалось от претензий на Карс, и ныне он входит в состав Турции.

ло холодно. Дул ветер. Государь слушал внимательно, задавал вопросы. Около него стояли генералы Мышлаевский и Юденич (тогда начальник штаба). Свита теснится, желая слышать интересный доклад. К сожалению, туман скрывал окрестности. Вечером, сквозь туман стали мерцать огоньки иллюминации, на цитадели сверкал вензель государя.

На улицах пустынно. Все гражданское население удалено. В городе только военные и их семьи. На главной улице работает синемаграф. Некоторые из свиты пошли туда, а ночью поезда двинулись дальше к Сарыкамышу.

Интересный разговор произошел по поводу укреплений Карса в царской столовой в тот же вечер. Сидели государь и вся свита. Говорили о Карсе. Кто-то заметил, что надо отдать справедливость Военному министерству за целесообразное укрепление Карса. Государь на это отчетливо произнес: «Военное министерство тут ни при чем. Всем тем, что мы видели в Карсе, Карс обязан неоднократным просьбам и работе графа Воронцова-Дашкова. Военное министерство всегда упорно было против». И затем, после короткой паузы, государь, как бы стесняясь, прибавил: «Но я поддерживал наместника, и нам с графом удалось довести это дело до благополучного конца».

Все выше и выше поднимался путь, по которому как бы осторожно, тише, чем всегда, шел царский поезд. Кругом белый снежный покров. Морозный резкий воздух. Мгла застилает горизонт. Едва можно различить конных казаков, охра-

няющих путь. Мы на высоте более чем 6000 футов. В девять вечера 1 декабря приехали в Сарыкамыш, маленький населенный военный поселок. На вокзале государь был приятно поражен, что его встречал почетный караул Кабардинского пехотного полка, в котором государь состоял шефом. Здоровый, веселый вид солдат. Молодцеватая выправка. У офицеров характерные кавказские шашки. Мой однокашник по Павловскому военному училищу, молодой полковник Тарасенков, как картинка, отдает государю честь. Невольно переносишься к высоким военным традициям нашего славного училища.

Государь подошел к лихому на вид знаменщику с тремя Георгиевскими крестами. Командир полка доложил, что это подпрапорщик Яковенко. Он был два раза контужен в бою. За выбытием офицеров командовал ротой, оставался в бою целую ночь и пошел в лазарет только после энергичного приказа командира батальона. Государь поблагодарил Яковенко, повесил ему Георгиевский крест первой степени и обратился к караулу со словами: «За боевую службу спасибо вам, молодцы». В ответ слышалось: «Рады стараться, ваше императорское величество», – и чувствовалось, что в этом энергичном ответе дан обет своему государю, обет, который выполнила вся Кавказская армия во славу Великой России.

Депутация от населения поднесла хлеб-соль, и государь поехал в простенькую гарнизонную церковь. Около нее столпилось все население, и гражданское, и военное. Женщин

почти нет. После краткого молебствия государь направился в автомобиле на границу, к селению Меджингерт.

Я ехал на автомобиле много впереди с генералом Дубенским и с чиновником С. Каждый делал для себя заметки. Хорошее горное шоссе поднималось все выше и выше. С обеих сторон отроги гор, то отодвигающиеся вдаль, то набегающие и теснящие шоссе. По дороге двигаются разные войсковые части и обозы. Порядка мало. Изредка попадаются оборудованные около шоссе питательные или санитарные пункты. Новые вывески, новые флаги, недоделанность кругом заставляет думать, что этого всего не было и недавно устроено ввиду приезда государя. Наскоро, напоказ. Приезд государя в такую глушь разбудил всех. Большой наместник-главнокомандующий не мог усмотреть за всем. Генерал Мышлаевский оказался не на высоте положения. Выдвигался новый человек – Юденич, но ему пока не давали ходу, затирали. Мой сосед ворчал, зло критикуя Мышлаевского и санитарную часть.

Раз или два встретились арбы с ранеными. Жалко стало. Здесь и не мечтали об удобствах Западного фронта. Вот бы, ворчал сосед, прислать им сюда на денек, на два принца Ольденбургского, он бы им показал... Он бы показал...

Через два часа приехали на русско-турецкую границу, в селение Русский Меджингерт. В полутора верстах впереди была и самая граница, линия. В Меджингерт были собраны по пять человек, что были в боевой линии. Пехотинцы, пла-

стуны, терцы, кубанцы²⁴, артиллеристы, пограничная стража – все выстроились покоем на большой снежной поляне. Все, до почтенного по летам командира корпуса генерала Берхмана, взволнованы. Все приятно поражены приездом государя. Этого здесь никто не ожидал. Приехать из Петрограда на турецкую границу, в боевое расположение войск!

Но вот показался и царский автомобиль. Подъехали. Все замерло. От сильного волнения командир корпуса едва отработовал государю. Государь медленно подошел к войскам, поздоровался и стал обходить выстроившихся. Каждого государь спрашивал, в каком бою участвовал, не ранен ли, и награждал Георгиевским крестом. Говорили солдаты с государем удивительно просто, и все их подвиги в их изложении казались такими простыми. Вот солдат 13-го стрелкового Туркестанского полка Игнатенко, взявший в плен пять турок. «Как же ты это сделал?» – спрашивают его. «Так что, они народ очень нестойкий, – отвечает он, – спервоначала постреляют, а потом, как к ним ближе подойдешь, сейчас руки вверх поднимают, кричат „Алла, Алла!“, а сами утекают. Ну, мы за ними. Нас было четверо. Я разделся, скинул шинель, да и побег. Еле догнали. Они осерчали, стали бросаться на нас. Двоих из нас убили, но все же мы их здорово перекололи. Тут я и забрал пятерых. Робкий они народ».

Начало уже смеркаться, когда государь кончил обход ниж-

²⁴ Т е р ц ы , к у б а н ц ы – терские и кубанские казаки из соответствующих частей.

них чинов. Поблагодарив еще раз всех сразу, государь выразил надежду, что «и все их части, по примеру своих предков, послужат России» и ему, государю. Генерал Берхман провозгласил здравицу за государя, цариц, наследника. Гремело «ура!». Государь пожал руку генералу.

Старый служака, командир корпуса, был так растроган, что расплакался и неоднократно поцеловал государю руку. Это произвело на всех большое впечатление. Нельзя было удержаться от слез. Солдаты придвинулись к автомобилю. Казаки вскочили на коней. И когда царский автомобиль тронулся, все бросились за ним с криками «ура!».

Казаки во главе с генералом Баратовым поскакали за автомобилем. Тот забирал ход, и казаки неслись сильнее с риском свернуться с шоссе и полететь с кручи. Так продолжалось, пока государь не подал знак рукой... Уже темнело. Густые тени стали падать с гор. Горы синели вдали в полном покое, как бы храня тайну – где неприятель... А неприятель, как узнали немного позже, был ближе, чем думали... Его разъезды видели с гор царский проезд, удивлялись тому, что происходит у гяуров, но об этом позже.

Уже было совсем темно, когда государь вернулся в Сарыкамыш и, узнав, что в госпиталь привезли новых раненых, сейчас же пошел навестить их. И уже после этого государь впервые поел в тот день у себя в поезде.

Вскоре поезд отошел к Карсу. Оттуда государь послал заместнику такую телеграмму: «Я провел сегодня памятный

день для себя посреди храбрейших представителей доблестных кавказских войск и был счастлив лично им раздать Георгиевские кресты на границе, в нескольких десятках верст от боевых позиций. С такими войсками можно уповать на милость Божию и быть уверенным в победе. Впечатления мои самые радостные и светлые. То же и относительно Карса и его гарнизона. Сердечный привет Вам и графине. *Николай*».

Следуя дальше, императорский поезд имел остановки в Александрополе, Елизаветграде, где государь принимал губернаторов и депутации. На вокзалах было много народа. Миновали Баладжары, и путь пошел на север. 3 декабря остановились ненадолго в Дербенте. Государь осмотрел землянку Петра Великого. На высоком холме, около города, стоит она, напоминая о гениальном царе и его деяниях.

4 декабря государь прибыл в главный город Терской области – Владикавказ. Еще в начале XVI века ушедшие из Рязанского княжества вольные люди, двигаясь на юг, поселились у устья Терека, затем у гребней Кавказского хребта. В 1555 году царь Иван Грозный одарил их рекою Терекком. Отсюда и развилось Терское Гребенское казачье войско.

Приняв представителей власти и различные депутации, государь, в форме войска, проехал с атаманом Флейшером в собор. За автомобилем скакал почетный конвой. После молебна государь вошел в Войсковой круг, собравшийся у собора. Войсковой старшина поднес хлеб-соль. Музыка играла сначала войсковой встречный марш, затем гимн.

Государь обошел круг, беседовал с казаками, расспрашивал о делах. А при обходе склонялись перед его величеством старые боевые знамена. Затем государя приветствовали делегации от русского крестьянского населения и от туземных племен: кабардинцев, осетин, ингушей, чеченцев, кумыков, салатавцев и карагонайцев. Осетины поднесли 10 000 и караговцы 5000 рублей. Государь посетил шесть госпиталей с ранеными и кадетский корпус. На вокзале государь снимался со всеми атаманами и около двух часов отбыл на север.

Вечером 4-го остановились на станции Минеральные Воды, где государю представились: ставропольский губернатор и делегации от кочующих калмыков, туркмен и ногайцев, которые, кроме хлеб-соли, поднесли изображение Будды. Туркмены же, кроме того, поднесли несколько палаток.

5 декабря остановились в Ростове-на-Дону. Встречали духовные и светские власти и делегации от Ростова и Нахичевани и от мастерских Владикавказской дороги. Делегации поднесли 50 000 рублей. Оттуда государь послал заместителю телеграмму: «Покидая пределы Кавказа, я уношу самые лучшие впечатления о войсках и светлые воспоминания о горячем проявлении преданности и любви всеми слоями населения. Сердечно благодарю Вас, граф Илларион Иванович, и прошу передать мою благодарность доблестной Кавказской армии, начальствующим лицам и разноплеменным народностям вверенного Вам округа. *Николай*».

Государь не ошибся в оценке Кавказской армии. Не про-

шло и трех недель, как она доказала это на деле. Еще когда государь был на Кавказе, Энвер-паша начал смелую военную операцию. Занимая внимание войск генерала Берхмана своим 11-м корпусом на главном Эрзерумском направлении, Энвер-паша направил 9-й и 10-й корпуса в обход наших войск для удара в тылу по Сарыкамышу и Ардагану. Обход делался по горной дороге, что шла севернее Эрзерумской, через Бардуский перевал и считалась нашими штабами непроходимой. По этой-то непроходимой дороге прошли два корпуса с их артиллерией.

С 14 декабря турки обрушились на Сарыкамыш. Положение было критическое.

В Сарыкамыш выехали генералы Мышлаевский и Юденич. Наместник прислал генералу Берхману телеграмму, в которой взывал к традиционной доблести кавказских войск и просил спасти участь Кавказа.

Не отвлекая главных сил генерала Берхмана от 11-го корпуса, стали формировать большую группу у Сарыкамыша. Сюда были направлены 123 молодых офицера, только что произведенные из Тифлисского военного училища, с которыми так недавно говорил государь и которых благословлял «в поход и на победу». Там закипела работа, и в славных легендарных боях с 14 по 23 декабря в Сарыкамыше была одержана победа, и 9-й турецкий корпус был разбит. С 16-го же по 22 декабря были разбиты и части 1-го и 10-го корпусов, обрушившиеся на Ардаган. Турки частью бежали, ча-

стью рассеялись по горам, большая же часть пала смертью храбрых. А со 2 декабря по 3 января был отброшен на Эрзерумском направлении и 11-й турецкий корпус. Кавказская армия одержала блестящую победу.

От старых кавказских героев, оставшихся верными государю и историческим заветам и после революции, я слышал лично, что в том горячем порыве, в том энтузиазме, который объединил в те дни Кавказскую армию, от молодого солдата и юного офицера до их убеленных сединами старших начальников, до наместника включительно, в этом почти сверхъестественном подвиге, большую роль сыграло только что совершившееся перед тем посещение фронта и края государем императором.

Глава 5

1914 год. – Государь в Новочеркасске. – Разговор царя с раненым казаком. Посещения в городе. – В Военном собрании. – Перед встречей с царицей. – Слухи в Москве. – Встреча с царицей в Воронеже. – Посещение Митрофаньевского монастыря. – Посещение госпиталей. – Царь и народ. – В Тамбове. – В Рязани. – Приезд в Москву царских детей. – Наследник принимает рапорт губернатора. Прибытие их величеств. – Недоразумение с программой посещений. – Генералы Джунковский и Воейков. – Настроение высших московских кругов. – Четыре дня в Москве. – Отъезд царицы с детьми в Царское Село. – Отъезд государя в Ставку. – Впечатления от Москвы. – В Ставке. – Вести с Кавказа. – Генерал Безобразов. Поездка на фронт. – Смотры гвардии. Возвращение в Царское Село. – Болезнь царицы и наследника. – Возвращение в Петроград Распутина

Утром 5 декабря государь прибыл в Новочеркасск, столицу Войска Донского. Всколыхнулся тихий Дон с объявлением войны. Много бойцов влил он в русскую армию. Казалось, только старики, женщины, дети да подростки остались по домам. С вокзала государь проехал с наказным атаманом генералом Покотило в собор. Почетный конвой Новочеркасского училища сопровождал государя. Масса народа по всему пути восторженно встречала монарха. При выходе из со-

бора государь обошел казаков, выстроившихся с войсковыми регалиями. Старинные знамена, начиная с петровского времени, царские грамоты, перначи, трость Петра Великого (палка), мундиры государей, начиная с Александра I, – все это живо напоминало славное прошлое Войска Донского.

Проехав затем ко дворцу атамана, государь был встречен почетным караулом и депутацией из двухсот стариков от всех станиц Войска. Государь обошел депутацию, много говорил со стариками, пропустил конвой церемониальным маршем и прошел во дворец, где принял представителей различных ведомств, депутации от войска, дворянства, города, торговых казаков. Архиепископ Владимир поднес на нужды раненых 20 000 рублей.

До завтрака государь посетил два госпиталя. В одном государь подошел к раненому кубанскому казаку Демьяну Сергееву, дал ему медаль и сказал:

– Я был недавно на твоей родине, на Кубани.

Казак сразу просветлел и спросил, улыбаясь:

– Ну, что там, ваше величество, ничего?

Государь рассмеялся и ответил:

– Ничего... Казаков там много. Очень хорошо меня принимали.

– Ну, а то как же, ваше величество, – сказал казак, видимо очень довольный.

Государь, смеясь, посмотрел на него ласково и пошел дальше.

В дворянском госпитале государь подошел к раненому уряднику 52-го Донского полка Никите Устинову и спросил, где и как он ранен. Тот доложил: «В Карпатских горах. Уже мы в долину Венгрии спускались. Наша полусотня, с есаулом Иловайским, в атаку ходила на две роты. Нас было 43 человека. Мы их почесть всех перерубили. Тут под командиром лошадь убили, и я принял командование и пошел дальше. Только мы на окопы нарвались; под пулемет попали. Нас всех почесть перебили. Остались живыми четверо да есаул Иловайский. Я, раненый, в плен попался. Немцы меня кололи штыками, да офицер удержал своих, спас меня. Меня перевязали и отправили в госпиталь. А через пять дней наши пришли. Прогнали немцев, а меня сюда препроводили». Государь поблагодарил казака, повесил ему Георгиевский крест и пожелал скорее поправиться.

После завтрака посетили Кадетский корпус, женский институт, женский приют и устроенные в них госпиталя. В пять часов государь прибыл в войсковое Военное собрание, где были собраны военные и гражданские чины. Государь обходил их и со многими беседовал. Подъем был необычаен.

Когда атаман произнес небольшую речь и здравицу за государя и его семью, «ура!» не смолкало несколько минут. Государь ответил, что он счастлив посетить старый Дон в это грозное время, и закончил так: «Я рад осушить чару за славу и несокрушимую на вечное время мощь и силу дорогого моему сердцу Тихого Дона, и за славу доблестных героев ка-

заков, и за ваше здоровье, господа».

Государь провел среди казаков около двух часов. Большой хор исполнял старые казачьи песни. Вся боевая слава прошлого отражалась в них. А против собрания, на площади, тысячи народа кричали «ура!», требовали исполнения гимна, и опять бесконечное «ура!». В семь часов государь отбыл из Новочеркасска.

6 декабря, день своего ангела, государь решил провести в Воронеже, куда должна была приехать из Москвы царица с двумя старшими дочерьми. Много работая на раненых в Царском Селе и Петрограде, государыня объезжала и другие города, где контролировала учреждения своего имени и посещала, сколь хватало ее сил, госпиталя. Последние дни царица провела в Москве, где производила осмотры с Елизаветой Федоровной.

В царские поезда уже дошли слухи, что там было не совсем ладно. Писали, что царица недовольна генералом Джунковским, который будто бы скрыл от Москвы время приезда ее величества, народ не знал и т. д. Случай обобщили и развили в целую против царицы интригу, которой якобы много содействовала бывшая воспитательница Тютчева²⁵. Присутствие при поездках царицы Вырубовой, кото-

²⁵ Тютчева С.И. – внучка знаменитого поэта. В 1896 г. была назначена фрейлиной императрицы Александры Федоровны, но много сил отдавала и благотворительным организациям. В период Русско-японской войны особенно сблизилась с великой княгиней Елизаветой Федоровной, помогая ей в Москве с организацией помощи армии, раненым и другими благотворительными проектами.

рая не занимала никакой придворной должности и имя которой было так тесно связано с именем Распутина, несло за царицей все те сплетни, которые обычно были достоянием только Петрограда. Царица была упорна в своих симпатиях, Вырубова же не желала отходить от ее величества и тем наносила много вреда государыне. С ней тень Распутина всюду бродила за царицей.

И среди свиты государя, перед приездом государыни, была некоторая тревога. Почти все как бы одергивались, нервничали, к чему-то приготавливались. Особенно побаивался князь Орлов.

В десять часов утра 6 декабря государь приехал в Воронеж. Кроме местного начальства и депутатов, на вокзале встречали государя министр внутренних дел Маклаков и генерал Джунковский. На это сразу обратили внимание и стали искать тому объяснения. Дворяне и земство поднесли государю на раненых по 25 000 рублей, город 10 000 и купечество – 17 000. Через полчаса подошел поезд с царицей и двумя старшими дочерьми. Их встретили дамы с букетами и несколько депутатов.

Их величества с детьми проехали в Митрофаньевский монастырь, где покоились мощи Митрофана Воронежского. Святитель был современником Петра Великого, был сторон-

В 1907 г. С.И. Тютчева была назначена воспитательницей царских дочерей, но в 1912 г. была отправлена в отставку из-за неприятия Распутина, к которому императрица благоволила. Окружение императрицы полагало, что С.И. Тютчева затаила обиду.

ником его реформ и много помогал царю своими проповедями, разъясняя пользу его нововведений, и даже собирал для царя деньги на постройку флота. Царь Петр чтит старца за богоугодную жизнь, и, когда тот скончался в 1703 году, царь приехал на его похороны и сказал во время похорон: «Не осталось у меня такого святого старца, ему же буди вечная память!»

Для царицы судьба преподобного Митрофана была как бы подтверждением мнения, которое ее величество часто высказывала своим близким, что не из простых ли старцев выходят впоследствии святые люди – те самые святые, которых при жизни не все признают за таких. Царская семья прослушала литургию, приложилась к мощам и посетила монастырский госпиталь. После завтрака посетили еще пять госпиталей. Разговаривали, государь раздавал награды, царица образки.

При проездах по городу масса народа не сходила с улиц, передвигаясь за экипажами. Кроме обычного «ура!», простой народ крестился, а кто попроще, крестили царскую семью. Русский царь, простоявший в день своего ангела обедню у чудотворца, был понятен русскому человеку. Понимал народ и царицу, как свою русскую, православную, когда видел, как молится она, посещает святыни, навещает раненых.

Никогда, за десять лет службы около государя, не приходилось мне слышать ни непосредственно, ни по докладам, чтобы кто-нибудь назвал царицу немкой. Все басни о немке

и самое это прозвище было присвоено царице нашей интеллигенцией и, главным образом, представителями так называемого высшего общества. Не умея часто правильно говорить по-русски, коверкая до постыдного русские слова и пересыпая их с иностранными, именно эти «верноподданные» пускали разные легенды, называя царицу то «англичанкой», то «немкой», как по моменту казалось нужным.

Но вот чего не понимал простой народ – это опрощения царицы, переодевания ее в костюм сестры милосердия. Это было выше его понимания. Царица должна быть всегда царицей. И неудивительно, что в толпе одного чисто русского города бабы, видя государыню в костюме сестры милосердия, говорили: «То какая же это царица, нет, это сестрица». А именно этот костюм советовала ее величеству ее подруга Вырубова, воображая, что она знает русский народ и его взгляды.

В шестом часу выехали в Тамбов, куда приехали в 11 часов утра. Там та же торжественная встреча, те же многочисленные толпы на улицах, тот же неподдельный экстаз, народный гимн, «ура!» и звон колоколов. Дворяне поднесли на раненых 15 000 и земство 10 000 рублей. Отслушав обедню в соборе, царская семья приложилась к мощам угодника Питирима, осмотрела вырытый угодником колодезь, посетила один госпиталь и вернулась в поезд. Были приглашены некоторые из властей. После завтрака осмотрели три больших госпиталя и навестили статс-даму Александру Никола-

евну Нарышкину, вдову бывшего при Александре III обергофмаршала.

Сухая, высокого роста старуха считалась умной и деловой. Была в большой дружбе с великой княгиней Елизаветой Федоровной, протезировала министру Маклакову. Он, проезжая Тамбов, не преминул навестить ее. Вечером их величества покинули Тамбов.

Утром 8 декабря приехали в Рязань. Та же торжественная встреча. Дворянство и земство поднесли по 10 000 рублей. Волостной старшина Пирочинской волости Бабушкин поднес государю мед собственной пасеки; группа крестьянок, в красивых местных сарафанах, поднесла свои работы. Кланяясь в землю, они подавали кружева, столешники, полотенца и просто штуки холста. Царица улыбалась, давала каждой руку, те целовали, были в восторге и вновь кланялись в землю. Жена председателя правления Казанской железной дороги поднесла 2500 подарков для раненых. Посетив затем собор и приложившись к мощам святителя Василия, первого епископа Рязанского, их величества посетили раненых в пяти госпиталях, беседовали, утешали, раздавали награды и образки. Во втором часу отбыли в Москву.

Москва ждала на этот раз государя не как всегда. Уже вся Россия знала, как деловито, внимательно относится государь при посещении городов ко всему тому, что ему показывают, что делается для войны. Московская администрация и все общественные организации готовились показать госуда-

рю императору свои успехи. К четырем часам дня 8 декабря весь путь от вокзала до Кремля был заполнен народом. С правой стороны стояли войска, с левой учащиеся. Были флаги, цветы, но только во всем была какая-то серьезность, деловитость. И в одежде войск и учащихся, в толпе у всех, казалось, было на уме, что это не только праздник, теперь война.

С пяти часов на вокзал стали съезжаться власти, пришел почетный караул Александровского училища. Без четверти шесть приехала великая княгиня Елизавета Федоровна в сером, форменном, своей общины, одеянии, и почти тотчас же подошел поезд, с которым прибывали из Царского Села наследник с двумя младшими сестрами. Великая княгиня Елизавета Федоровна поднялась в салон-вагон, и через несколько минут вышел наследник, а за ним великая княгиня и княжны.

Наследник был в морской форме и выглядел молодцом. Ему рапортовали градоначальник и губернатор. Он принял рапорты серьезно, подал руку и быстро пошел в царские комнаты. За ним – другие. Проходили мимо выстроенного для государя почетного караула. Заиграли встречу. Наследник отдал честь и, улыбаясь, шел дальше, смотря каждому юнкеру в глаза. Потом он с гордостью говорил сестрам, что он делал все так, как делает ПапаР. Ему впервые приходилось играть самостоятельную роль, и он был горд. С детьми приехали обер-гофмейстера Нарышкина, за министра двора

– граф Нирод, генерал Мосолов, лейб-медик Боткин, учитель Жильяр и неизменный боцман Деревенько²⁶, смотревший важно по сторонам.

В шесть пятнадцать подошел царский поезд, и высочайшие особы поднялись в салон-вагон их величеств. Вскоре показался государь, за ним вся семья. Раздалась команда, заиграла музыка. Приняв рапорт и встречу, государь прошел в парадные комнаты, где стояли депутации. Городской голова Челноков поднес хлеб-соль. С ним и с предводителем дворянства Самариным государь немного поговорил. Приняв все депутации, направились к экипажам. В первый автомобиль сели их величества, наследник и великая княжна Ольга Николаевна, великая княгиня Елизавета Федоровна с остальными племянницами – во второй, и кортеж тронулся. За ним масса автомобилей и экипажей. Уже смеркалось. Было свежо. Толпа приветствовала горячо. Войска, учащиеся, народ – все кричали «ура!», махали шапками, флажками, платками. Перекатывался волнами народный гимн. Из церкви выходило духовенство с хоругвями, трезвонили колокола.

После традиционной остановки у Иверской Божией Ма-

²⁶ А.Е. Деревенько – моряк с императорской яхты «Штандарт», который был приставлен к цесаревичу Алексею в качестве дядьки. Если из-за тяжелой болезни Алексей не мог ходить сам, дядька носил его на руках, а также следил во время игр и прогулок, чтобы цесаревич не поранился – кровопотеря могла стать фатальной.

тери²⁷ выехали через Красную площадь в Кремль. Все залило народом. В блестящих ризах духовенство с крестными ходами. А над всем гудел трезвон всюду колоколов кремлевских... Многие плакали...

Вечером, при обсуждении маршрутов на завтра, выяснилось, что произошло некоторое недоразумение с генералом Джунковским. Пользуясь в Москве близостью к великой княгине Елизавете Федоровне²⁸, а в Петрограде – служебным положением, генерал пытался было сыграть роль какого-то посредника между приехавшими и Москвою, что выразилось в представленных государю проектах программы. Генерал внес туда много приятного Москве и много личного. Это было замечено дворцовым комендантом. Государь остался недоволен и изменил проект по-своему. Джунковскому дали понять, что это не его область.

Настроение в Москве, в высших кругах было странное. Несмотря на то что Распутин никакого участия в поездках

²⁷ Часовня с иконой Иверской Божией Матери находилась у Воскресенских ворот, открывавших вход на Красную площадь. Царская семья, приезжая в Москву, традиционно считала долгом поклониться Иверской иконе. В 1929 г. историческое здание Иверской часовни было разрушено. Воссоздали часовню в 1994–1995 гг.

²⁸ В.Ф. Джунковский состоял адъютантом супруга Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Александровича и был в большой дружбе с великокняжеским семейством. После гибели великого князя в 1905 г. В.Ф. Джунковский был назначен на пост московского вице-губернатора и занимал его до 1908 г., оказывая Елизавете Федоровне большую помощь в организации Марфо-Мариинской обители милосердия.

государя не принимал и отношения к ним не имел, московские кумушки очень им занимались. Правда, он к этому времени завязал близкие отношения со многими московскими дамами. Нашлись многие поклонницы его всяческих талантов. Центром всего этого недоброжелательства по связи с Распутиным было ближайшее окружение великой княгини Елизаветы Федоровны во главе с упоминавшейся уже Тютчевой.

Сама великая княгиня, как будто отошедшая от мира сего, очень интересовалась вопросом о Распутине. Это создало около нее как бы оппозиционный круг по отношению к царице. Все падало на голову царицы, и теперь особенно, когда она приехала в Москву в сопровождении Вырубовой, которая никакого официального положения при дворе не занимала – значит, надобности в ней не было.

Ее присутствие бросало тень на императрицу, а присутствие ненавистного общественности министра Маклакова далеко не увеличивало симпатий к государю и, проще говоря, вредило ему в Москве. Джунковский старался угодить и Москве, и Петрограду и скоро на этом провалился. Здесь уже чувствовалось, что он утратил много симпатии у царской четы. На императрицу все эти сплетни и дразги, принявшие в Москве мелочный, провинциальный характер, производили самое нехорошее впечатление. Между сестрами были разговоры, выявившие большое различие во взглядах на многое. Царица чувствовала себя нездоровой. Это проникло в окру-

жавшую их величеств среду. Все насторожились. Смотрели друг на друга вопросительно.

9-го утром государь произвел в Манеже смотр нескольким тысячам молодых солдат и остался очень доволен. Днем их величества с дочерьми и Елизаветой Федоровной осматривали распределительно-эвакуационный пункт Красного Креста. Представлял Самарин. То была колоссальная, отлично поставленная организация. Их величества обошли несколько сотен раненых и, когда узнали, что подошел поезд с новыми ранеными, обошли там всех и вновь вернулись на пункт. Среди раненых были две девушки-доброволки, которые, под видом солдат, бежали на войну и работали с одним полком, пока не были ранены. Государь пожаловал их медалями.

Посетив затем лазарет в обители Елизаветы Федоровны, куда приехал и наследник, вернулись во дворец. Ввиду выяснившейся невозможности для их величеств объехать даже важнейшие госпитали, так много их было, лица свиты объезжали их и передавали медали от имени государя.

10 декабря государь делал смотр молодым солдатам второй очереди, посетил Александровское военное училище, а после завтрака вся семья осматривала передовой отряд Всероссийского Земского союза. Объяснения давал печальной памяти князь Г.Е. Львов²⁹.

²⁹ Автор говорит о «печальной памяти», так как князь Г.Е. Львов после Февральской революции и свержения императора стал председателем первого состава Временного правительства.

Государь знал, как много нехорошего накопилось уже у министра внутренних дел про этот союз, но не показывал виду и был с князем очень милостив. Царица же, узнав, что в отряде нет походной церкви, немедленно отдала приказание, и на следующий день церковь была доставлена в подарок от царицы. Посетив еще несколько лазаретов, уже в темноте вернулись во дворец. После обеда в большом дворце состоялся прием депутатов от всех работавших на войну организаций. Было много сотен народа. Были все известные общественные деятели: Самарин, Долгоруков, Челноков, Брянский, Шлиппе, Крестовников, Булочкин, Львов, Трубецкой, Рябушинский, Кишкин и много других. Главные представители подробно докладывали о своих организациях, некоторые представляли карты, диаграммы и т. д. Долго и внимательно выслушивал государь объяснения о работе Всероссийских Земского и Городского союзов: князя Львова и Челнокова. Так государю была представлена вся работа тыла. Государь, видимо, был весьма удовлетворен. Он благодарил всех сперва по отдельности, затем еще раз всех сразу, сказал горячую речь, которую покрыло не менее горячее «ура!». Чувствовалось всеобщее единение, общность, порыв. Казалось – вот залог успеха.

11 декабря государь смотрел третью очередь молодых солдат, посетил переведенный из Варшавы Суворовский кадетский корпус, а после завтрака вся семья посетила госпиталь Биржевого и Купеческого обществ. То был огромный шести-

этажный дом.

Лежало 700 раненых. Обход всех палат занял три часа. В одной из палат лежал умиравший подпоручик 8-го Гренадерского полка жандармов. С лихорадочным взглядом он смотрел на дверь и ждал государя. Ждал целую ночь.

«Хоть бы увидеть государя, – шептал он, – боюсь, не успею, умру». И вот он вошел. Подошел к постели. Взволнованный офицер стал говорить, как он счастлив, что может умереть спокойно.

Государь ласково утешал его. Царица присела на кровать, перекрестила его, повесила на шею образок. Умиравший припал к руке, целовал, плакал. Когда ушли, офицер крестился, что-то шептал, а слезы текли и текли на подушку.

В одной из палат лежал солдат 137-го пехотного Нежинского полка татарин Шерахудинов, тяжело раненный в грудь и руку. Государь подал ему медаль. Тот громко поблагодарил государя и сказал:

– Ваше императорское величество, разрешите вашу руку поцеловать.

– Это не полагается, – ответил, смеясь, государь, но протянул руку, и тот набожно приложил ее к губам.

Подошли великие княжны, Шерахудинов попросту говорил с ними, а когда подошла царица и подала ему образок, он взял.

– А ты знаешь, кто с тобой говорит? – спросила его, нагнувшись, царица.

– Не могу знать, а вы кто будете?

– Я ее мать, – сказала царица, указывая на одну из дочерей.

– Так вы будете государыня императрица? Здравия желаю, ваше императорское величество. Так что позвольте ручку поцеловать.

Государыня протянула руку, Шерахудинов поцеловал осторожно и спросил:

– Я не больно поцеловал вашу ручку, ваше величество?

Царица сказала:

– Нет, – и отошла, ласково улыбаясь и кивая ему.

Раненого обступили. Кто-то сказал:

– Ты надень образок-то на шею.

– Никак нет, – ответил он. – Я татарин. Мне Магомет за-
прещает носить образа. Я всю жизнь буду его беречь, но на-
девать, по нашей вере, не могу.

Когда, обойдя палату, государь проходил мимо Шераху-
динова к выходу, он сказал ему:

– Прощай, желаю тебе скорее поправиться.

Шерахудинов наивно ответил:

– Счастливо оставаться, ваше императорское величество.

Очень рад, что мог увидеть вас с государыней и дочками.

Княжны кивали ему, смеясь. Симпатичного, смешного та-
тарина не раз вспоминали потом.

Пока царская семья была так долго в лазарете, перед ним
на улице собралась огромная толпа. При выходе им устроили

горячую овацию.

Вечером под председательством императрицы состоялось заседание Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям раненых.

Была и великая княгиня Ольга Александровна. Местные работники, среди которых были П.А. Базилевский, Н.И. Гучков, М.А. Новосильцев, делали доклады.

12 декабря утром государь посетил Алексеевское военное училище и три кадетских корпуса. Днем вся семья была в лазарете в Потешном дворце. По выходе государь произвел смотр школе подпрапорщиков, после чего все проехали в лазарет Коншиной на Якиманке. В шесть с половиной был прием разных депутатий, после чего их величества навестили митрополита Макария.

В тот же вечер царская семья покинула Москву. В 10 часов 15 минут уехала в Царское Село царица с детьми, а затем и государь в Ставку. После отъезда во многих церквях служили молебны.

Пребывание в Москве очень утомило государя, да и всех его сопровождавших. Сойдясь на другой день к чаю, мы у себя, в поезде, делились впечатлениями. Вспоминали Кавказ, города и всю ту колоссальную работу, которую так наглядно выявила Москва. Но не могли скрыть горечи, оставшейся после Москвы.

– И зачем только эту Вырубову берут с собою, да еще в Москву? Ну, сидела бы себе в Царском Селе, и хорошо. А

то туда же. Одна грязь только, – с горечью говорил один из собеседников и махнул рукой.

– Да что она вам далась, чем она вам помешала? – сказал кто-то.

– Да мне-то она не мешает, – разгорячился генерал, – а вот их величествам не видно того, что мы, свежие люди, видим. Для вас она свой человек, а мне что? Ведь все сплетни о Распутине связаны с нею. Правда то или нет – это другое дело. Но все связано с нею, и возить ее с собою – это все равно что живую рекламу Гришке устраивать. Ну, вот и результат.

Старик совсем разгорячился и, запустив руки за кожаный пояс рубашки, ходил, ковыляя, по столовой, отодвигая сердито мешавшие стулья.

– Ну, что же вы молчите, разве я не правду говорю? – уставился он на нас.

А говорить-то было нечего. Все мы, там сидевшие, думали то же, что и он, свежо попавший в нашу среду человек. Так же думали, так же кипятились в беседах один на один и сознавали полное свое бессилие. Каждый из нас в той или иной манере, но передавал свои впечатления своему начальнику. И наши начальники, имевшие уже доклады у его величества, были согласны с нами, но вот докладывали ли они свои мнения их величествам? Сомневаюсь.

В 10 часов вечера 13-го числа государь приехал в Ставку и тотчас же стал принимать доклад о положении на фронте, что затянулось за полночь. На следующий день было вос-

кресенье. В 10 часов утра государь прошел в домик Данилова и вновь принимал доклад. На фронте было затишье. Наши войска, укрепившись на зимних позициях, крепко сидели на них и, отбросив последние нажимы немцев, заставили их успокоиться. У неприятеля уже было Рождество. Хотелось, чтобы он не начинал боев. Ставка была как будто очень всем довольна. Там с гордостью заявляли, что наши войска не дали германцам прорвать наш новый фронт, хотя те, забрав с французского фронта все, что можно было, сосредоточили против нас двадцать четыре корпуса. Нам помощи ждать было неоткуда. Нам помогать не любили. Все тащили только с нас, что могли. Приходилось рассчитывать только на свои силы. И тем более Ставка была довольна, что противник, получив последний отпор, поостыл.

После доклада государь проехал к обедне, где были все высочайшие особы и приехавший с докладом премьер Горемыкин. После завтрака Джунковский, пришедший к нам в поезд, рассказал, что по полученной им с Кавказа телеграмме турки захватили Сарыкамыш. Джунковский поделился новостью с лицами свиты; кто-то доложил государю, и тот, не слыша ничего от Николая Николаевича, сам спросил его о Сарыкамыше. Тут и пошел сумбур. От государя, видимо, Ставка хотела на время скрыть неприятность. Джунковский все провалил. Ставка обрушилась на него. Какое ему дело? Зачем он вмешивается не в свою область? Какое право имеют жандармы телеграфировать ему о делах военных? И т. д.

В 4 часа государь работал с Горемыкиным, причем был приглашен Николай Николаевич и Янушкевич. Вечером государь вновь принимал доклад Ставки. 15 декабря утром государь опять принимал доклад, произвел смотр Казачьему полку, с трех с половиной до пяти гулял, а после обеда вновь работал с великим князем, Даниловым и Янушкевичем.

В этот день в Ставку приехали великий князь Николай Михайлович, Андрей Владимирович и командир Гвардейского корпуса Безобразов.

О деятельности генерала мнения расходились. Одни считали, что он хороший боевой начальник, другие – что нет. Но он очень отстаивал интересы гвардии и считал, что Генеральный штаб чуть не нарочно посылал всегда гвардию на убой. Государь поздравил его [с производством в] генерал-адъютанты.

16 декабря, как всегда, государь был на докладе, затем снимался со всеми чинами, его сопровождавшими, начиная со свиты и кончая прислугою. Днем принимал великого князя Александра Михайловича, а вечером отбыл на фронт.

Государь хотел закончить год смотром гвардии, которая в течение минувших пяти месяцев все время была в боях.

17 декабря государь смотрел в Гарволине 1-ю гвардейскую дивизию, а в Новоминске – гвардейскую стрелковую бригаду. 18 декабря – в Седлеце 2-ю Гвардейскую дивизию и Атаманский полк. Государь беседовал с солдатами и офицерами, раздавал награды.

19 декабря государь вернулся в Царское Село. Резиденция нас встретила нерадостно. Императрица, утомившись от поездки, была больна. Жаловалась на сердце, и Боткин предписал оставаться в постели. Наследник жаловался на ногу. Опечалило и то, что в Петроград приехал Распутин. Ничего хорошего от этого не ожидали.

Глава 6

1915 год. – Катастрофа с А.А. Вырубовой. – Распутин и влияние катастрофы на его положение. – Четвертая поездка государя на фронт. – Разговоры о Распутине. – В Ставке. – Смотр казаков. – Рассказ казака Маслова. – Поездка в Ровно. – У великой княгини Ольги Александровны. – Посещение Киева. – Киево-Покровский монастырь. – Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны. – Поездка в Севастополь. Адмирал Эбергард. – Посещение Екатеринослава. – На Брянском заводе. – Возвращение в Царское Село. – Настроение во дворце. – Назначение господина Жильяра наставником к наследнику

Новый, 1915 год начался с большого для царской семьи горя. 2 января друг государыни А.А. Вырубова поехала поездом из Царского Села в Петроград. На шестой версте от столицы поезд потерпел крушение. Несколько вагонов было разбито, Вырубова тяжело ранена. Вытащенная казаком Конвоя его величества из-под обломков вагона, она пролежала несколько часов в железнодорожной сторожке и была перевезена в Царское Село. Царица с дочерьми встретила ее на вокзале и перевезла в дворцовый госпиталь.

Туда приехал государь. Вырубова была без памяти. Ждали смерти и причастили Святых Тайн. Вызвали из Петрограда Распутина. Его провели в палату, где лежала больная. По-

дойдя к ней и взяв ее за руку, Распутин сказал: «Аннушка, проснись. Погляди на меня». Больная раскрыла глаза и, увидав Распутина, улыбнулась и проговорила: «Григорий, это ты? Слава Богу».

Распутин держал больную за руку, ласково глядел на нее и сказал, как бы про себя, но громко: «Жить она будет, но останется калекой». Эта сцена произвела на всех очень большое впечатление. Впоследствии так и случилось. Анна Александровна не умерла. Ее оставили лежать в том же госпитале, где все палаты были заняты офицерами. Каждый день ее навещал кто-либо из царской семьи, не говоря уже про ее родных. Приезжал и Распутин. Это подняло большие разговоры и заставило меня сделать доклад дворцовому коменданту, хотя дело и не касалось охраны. В первый же приезд Распутина его встретил генерал Воейков и провел в палату к больной, держа Распутина за локоть. Это было замечено офицерами и передано в город в такой версии, будто Воейков шел, обнявшись с Распутиным. Несмотря на всю вздорность сплетни, ей верили и передавали из уст в уста. Пустили версию, что, когда Распутин вошел к больной, она лежала голая. Это особенно передавали и комментировали дамы, называя больную «бесстыжей» и забывая, что та была без сознания. Кроме того, произошел такой случай. Уходя однажды от больной, Распутин зашел в одну из офицерских палат, и говорили, будто бы благословил раненых. В ответ слышалась брань, и Распутин поспешил удалиться.

Офицеры передавали все это тем, кто их навещал, и с первых же дней по всем войсковым частям Царского Села пошли сплетни о том, что делается в госпитале. Будучи осведомлен о том из нескольких источников, я доложил обо всех этих слухах генералу Воейкову и высказал мнение, что Вырубову необходимо убрать из военного госпиталя и самое лучшее – оборудовать ей палату на дому, в ее же квартире. Генерал был того же мнения, но дела это не изменило. Больная оставалась там же, и лечение ее было поручено женщине-врачу Гедройц. Гедройц пользовалась большою симпатией императрицы, но репутация ее как врача была далеко не важная. И позже, когда Вырубова осталась калекой на всю жизнь – она хромала, – она сама, да и многие другие говорили, что тому виною исключительно госпожа Гедройц.

Катастрофа с Вырубовой вернула к ней ослабевшие очень в последнее время симпатии ее величества. Катастрофа послужила к сближению подруг, дружба которых приходила к концу. А с возвратом подруги становился ближе ко дворцу и старец Григорий, который, с началом войны, отошел было в сторону и потерял прежнее внимание их величеств. Катастрофа пролила и новый свет на отношения между Распутиным и Вырубовой. Было распространено мнение, будто бы они были в близких, интимных отношениях. Так говорили кругом. И тем более я был поражен, когда лейб-хирург Федоров сказал мне, что, делая медицинское исследование госпожи Вырубовой еще с одним профессором вследствие пере-

лома бедра, они неожиданно убедились, что она девственница. Больная подтвердила им это и дала кое-какие разъяснения относительно своей супружеской жизни с Вырубовым, с которым она была разведена. Это обстоятельство, исключавшее физическую близость между Распутиным и Вырубовой, заставило тогда очень задуматься над сущностью их отношений. Сам Распутин рассказывал своим друзьям, что катастрофа с Аннушкой еще теснее связала их, что он еще больше полюбил ее и что она сделалась для него «дороже всего на свете, даже дороже царей».

22 января государь выехал в Ставку. Это было уже четвертое путешествие. Из новых лиц государя сопровождали гофмаршал Долгоруков и флигель-адъютант Мордвинов. Долгоруков, или Валя, как называли его близкие, был одним из друзей детства государя и был пожалован во флигель-адъютанты еще в 1896 году. Он был сын от первого брака графини Бенкендорф. Мордвинов был любимым адъютантом великого князя Михаила Александровича, но оставил его из-за женитьбы.

В нашем поезде перемен не было. Сойдясь после завтрака, начали разговаривать о Распутине и катастрофе с Вырубовой. Было интересно слышать мнение людей, вращавшихся в разных кругах общества. Оказалось, что в разных кругах высказывалось одно и то же сожаление, что Вырубова выжила. С ее смертью связывали падение влияния Распутина. В этом были все убеждены. К ней все относились враждебно.

Враждебно относились и все мы, ехавшие в свитском поезде, враждебно относились и лица, ехавшие с государем. И все за ее близость к Распутину, за ее поддержку Распутина перед царской семьей. Вне этого Вырубова была очень симпатична. Единственным человеком, расположенным к Вырубовой и Распутину, при поездках государя, являлся Н.П. Саблин.

Но, конечно, при встречах с Анной Александровной все оказывались самыми расположенными к ней людьми, готовыми на все услуги. Такова жизнь. Правда, к Распутину никто не шел. Саблин не в счет.

23 января прибыли в Ставку. Красиво было в лесу, куда продвинулся поезд. Ясный морозный день. Кругом глубокий снег. Застыли, покрытые снегом, сосны. Веселый зимний пейзаж. Бодрящий воздух.

Государь долго работал с великим князем и его помощниками. Настроение в Ставке было спокойное, хотя немцы нажимали на Бзуре³⁰ и Равке³¹ и на Карпатах. Командующий Юго-Западным фронтом Иванов приезжал в этот день в Ставку и делал доклад государю. Он был спокоен. В работе – утром в штабе, а вечером у себя в вагоне – прошел для государя и следующий день. В кабинете генерала Данилова появилась доска с надписью: «Его императорское величество государь император Николай II, во время своих пребываний в Ставке, изволил ежедневно выслушивать в настоящем по-

³⁰ Б з у р а – река в Польше, приток Вислы.

³¹ Р а в к а – река в Польше, приток Бзуры.

мещении доклад по оперативной части в 1914–1915 гг.». В этот же день государь принимал варшавского генерал-губернатора Енгальчева. Был у Всенощной, вечером вновь занимался с великим князем.

25-го, в воскресенье, государь был у обедни, после чего обходил свой Казачий полк. Расспрашивал о подвигах, жаловал награды. Подойдя к красавцу уряднику 5-й сотни Семену Маслову, государь спросил, за что он получил первый Георгиевский крест.

– За атаку на эскадрон 13-го Уланского Прусского полка, ваше императорское величество.

– Как это было? – спросил государь.

– Это было, ваше императорское величество, 29 октября 1914 года. Рано утром мы, одиннадцать человек, вызвались охотниками произвести разведку. Был густой туман. Шли осторожно и наткнулись на немецкий разъезд. Но все-таки мы сомневались: они или наши?

До них шагов двести, стоят кучей, а туман большой. Я послал казака узнать. Тот вернулся и говорит: «Не сумлевайся, Семен, это немцы». Только мы это разговариваем, а туман-то открылся. Мы – в сторону и по ложине, за пригорком, стали обходить немцев. Навстречу попался жид. Мы его обыскали. Видим, у него немецкая пропускная марка. «Ты ведь наш житель, так почему же тебя немцы так обожают, что даже марку дают пропускную?» Жид смутился. Дальше – больше. Упал на колени, говорит: «Они меня послали узнать,

сколько здесь войска стоит». Ну, мы тут, значит, его и зарубили. Затем встречаем польского пана. Он сам бежит к нам. «Здесь, – говорит, – за леском, коней сто немецких стоит, а около них спешенные уланы». Видим, что дело начинается серьезное. Стали отходить, а за нами – немецкий эскадрон. Так дошли до деревни. Тут мы спешили, передали коней крестьянам-полякам. Те ничего, не бегут, держат лошадей. В деревне мы нашли наших пехотных солдат. Составилось наснадцать человек. Устроили засаду, залегли вдоль забора по халупам. Смотрим: немцы выслали разъезд из трех человек, а за ним по шоссе весь эскадрон идет. Мы их подпустили, да подряд семь залпов по ним и дали. Тут они здорово оробели, сразу остановились. Лошади их взвились на дыбы и попадали. Тут у них сразу, на месте, шесть лошадей остались, девять улан да один офицер. Мы – на коней да карьером за ними. Догнали. Многих перекололи, изрубили, двух в плен взяли. Мы бы, ваше императорское величество, с ними со всеми справились, да по нам соседние германские пехотные части жестокий огонь открыли. Те уланы, что мы в плен взяли, сказывали, что они привезены сюда из-под Франции. Что вот там у них в полку за все время только шесть человек убито, а тут вот, у нас, за полтора дня полка не стало. За это дело я и урядник Болотов и получили Георгия четвертой степени, ваше императорское величество.

Рассказ произвел большое впечатление своей простотой. Много и других интересных эпизодов рассказали тогда каза-

ки государю. Его величество был очень доволен. После завтрака государь осматривал новый поезд великого князя, а вечером отбыли в Ровно.

На другой день, в Ровно, государя встретила на вокзале великая княгиня Ольга Александровна, и они вместе поехали в ее лазарет; после завтрака сделали большую прогулку пешком, а в 7 часов поезд направился в Киев.

27-го, утром, приехали в Киев. Это был первый приезд после убийства там Столыпина. Мне было не по себе. Теперь там жили великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, и свита очень интересовалась, как они встретятся с государем, так как натянутые отношения княгинь с царицей не являлись секретом.

При встрече депутациями Купеческого и Еврейского общества было поднесено на раненых по 100 000 рублей, Биржевой комитет поднес 50 000, а Комитет помощи раненым – 25 000. Государь проехал в Софийский собор, отслушал молебен, поклонился мощам Святого Макария, митрополита Киевского, осмотрел гробницу Ярослава Мудрого (XII век), принял икону Нерушимая Стена, принял совет Свято-Владимирского братства и от него – икону Святого Владимира и проехал в Покровский монастырь.

Киево-Покровский женский монастырь был устроен в 1889 году великой княгиней Александрой Петровной, матерью великого князя Николая Николаевича. Великая княгиня, принявшая монашество под именем Анастасия, подви-

залась в монастыре до 1900 года, когда умерла и там же была похоронена. При монастыре была бесплатная больница и лечебница имени императора Николая II, обращенная с войной в лазарет для раненых. Там работали обе сестры, великие княгини³². Встреченный княгинями, государь отслушал краткое молебствие и прошел на могилу великой княгини. Простая, из зеленого дерна, могила. Прошли в лазарет. Там, около раненых, были много работавшие: княжна Елена Георгиевна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская (от первого брака великого князя)³³, Марина Петровна и Надежда Петровна³⁴. Лазарет произвел очень хорошее впечатление. Красиво, уютно.

Посетив затем дворянский лазарет, государь вернулся в поезд завтракать, а после завтрака посетил Киевское военное училище, устроенный там лазарет и большой военный госпиталь. Там государь прослушал доклад о лечении раненных в голову. То были несчастные изуродованные. Многим

³² Сестры Николая II великие княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна.

³³ Дочь светлейшего князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского, и Анастасии Николаевны Черногорской. Николай I в 1852 г. даровал потомкам своей дочери Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского титул светлейших князей Романовских, поэтому, говоря о них, часто указывали оба титула. Анастасия Николаевна после развода с мужем вышла замуж за великого князя Николая Николаевича, дядю императора Николая II и двоюродного брата своего первого супруга.

³⁴ Дочери великого князя Петра Николаевича и Милицы Николаевны Черногорской.

государь пожаловал награды. Картина была тяжелая.

Уже стало смеркаться, когда государь поехал в лавру. По традиции государь вошел в ворота лавры пешком. Через весь запорошенный снегом двор, как две широкие черные ленты, протянулись ряды иноков. Они низко, земно кланялись государю. В Великой церкви тихо. В стороне, в уединенном месте силуэты схимников. Мерцают свечи и лампы. Дрожат от них лики святых.

Государь поклонился чудотворной иконе Успения Божией Матери, принял благословение митрополита Амвросия, поднесшего икону, спустился в пещеры и поклонился перед ракою святителя Павла, митрополита Тобольского³⁵. Тогда не обратили на это внимания, но как странно кажется это теперь.

Из лавры государь проехал к великим княгиням, затем посетил питательный пункт станции Киев, осмотрел военно-санитарный поезд и лазарет, сооруженный на средства служащих Юго-Западных железных дорог, и вернулся на вокзал.

Ко времени отхода императорского поезда в царский павильон собралось много народа. Приехали великие княгини с детьми, врачи и сестры отряда Северо-Американских Штатов. Их представил предводитель дворянства Безак. Были выстроены юнкера Киевского военного училища и шко-

³⁵ Тогда никто не мог предположить, что свергнутого с престола Николая II вместе с семьей отправят в ссылку в Тобольск. З А.И. Спиридович

лы подпрапорщиков. Государь сказал им небольшую, но горячую речь, закончив ее словами: «Желаю вам преодолеть с полным успехом нашего коварного и сильного врага».

В 8 часов 15 минут императорский поезд покинул Киев, провожаемый национальным гимном и криками «ура!».

Утром 28-го приехали в Полтаву. Ясный морозный день. Встреча на улицах опять носила теплый, задушевный, простой провинциальный характер. Зимние костюмы дам, полушубки, папахи, малороссийские платки – все было как-то особенно мило. На морозном воздухе, при зимней тишине, особенно весело звучал трезвон колоколов. Только накануне принесли в собор, с крестным ходом, местную святыню Горбаневской Божией Матери, и с ней пришло много простого деревенского народа.

С вокзала государь отправился в собор, где был встречен преосвященным Феофаном, который представил их величествам Распутина (долго был его другом, а затем стал заклятым врагом). «Сожалею, что тебе придется видеть отвратительного Ф.», – телеграфировала в тот день государю его супруга. Однако государь ничем не выказал своего недовольства и был милостив с архиепископом, как и со всеми.

Из собора государь проехал в лазарет, устроенный на средства казаков и крестьян. Там поднесли 10 000 рублей, и говоривший речь малоросс упомянул, что народ особенно благодарит за запрещение продавать во время войны водку. В лазарете государь долго говорил с 15-летним краси-

вым мальчуганом, который делал поход с 176-м Переволоченским полком, был в боях, был ранен в левую ногу. Государь дал ему медаль за храбрость. Большинство раненых были ранены на Карпатах, и многие разрывными пулями. Австрийцы часто употребляли их.

Посетив затем дворянский госпиталь, государь проехал в Кадетский корпус, где были собраны все раненые офицеры, находившиеся в Полтаве. Государь говорил с каждым раненым, горячо всех благодарил и желал скорей поправиться. Осмотрев весь корпус, посмотрев гимнастику кадет, государь выразил уверенность, что кадеты будут радовать его своим поведением и занятиями.

Из Полтавы государь поехал в Севастополь. Все дальше и дальше убегали царские поезда от нашего северного, веселого, белоснежного зимнего пейзажа, и скоро из окон вагонов были видны уже унылые, черные зимой южные степи.

Туманное утро 16 октября 1914 года. Седая мгла висит над Севастополем. Тихо кругом. Город спит. Дремлет эскадра, лишь вчера вернувшаяся с моря под командой адмирала Эбергарда. Но не спят на крепостных фортах. В пять часов получено приказание: «Положение № 1», по которому форты готовы открыть огонь во всякую минуту. Ждут «Гебена»³⁶.

В 5 часов 15 минут с моря раздался тяжелый выстрел, за

³⁶ «Гебена» – германский линейный крейсер. А в августе 1914 г. был формально передан Турции и вел операции на Черном море против флота России.

ним другой, третий, все чаще и чаще – это «Гебен» стрелял по Севастополю. А его сотоварищи в то же утро, но часом раньше обстреляли Одессу, Евпаторию и Новороссийск. «Гебен» бомбардировал Севастополь минут двадцать. Крепость открыла по нему огонь, и он ушел. Говорили, что пострадал. Но говорили и то, что он был даже на минном поле, но его почему-то не взорвали. Это почему-то связывали с именем Эбергарда. Ему будто бы кто-то докладывал, просил разрешения, он не позволил. Такие поползли слухи... Говорили и среди офицеров, даже среди матросов. Дошло до Ставки. Назначили дознание, но все затихло. Эбергард остался на своем посту.

Теперь уже в разгар войны второй немецко-турецкий крейсер «Бреслау» 26 января дал по Ялте сорок выстрелов. И опять заговорили об Эбергарде: «Что же он делает?»

Среднего роста, худощавый, чистенький и аккуратный, адмирал был педантичен, строг, требователен и джентльмен в полном смысле. Офицеры его любили, но он плавать, по слухам, не любил.

Наши миноносцы и при нем рыскали по Черному морю и то и дело топили у турецких берегов их лайбы. В Ставке, в синематографе, все время показывали, как наши миноносцы работали под турецким местечком Зунгулдак. 28 января флот вернулся с моря, а 29-го государь приехал в Севастополь. С местными властями государя встретил и морской министр Григорович. Государь посетил флагманский корабль

«Евстафий», крейсер «Кагул», морской госпиталь, осмотрел школу юнг и произвел смотр молодым солдатам. Погода была дивная, теплая, и все казалось в большом порядке.

На следующий день государь посетил все форты Северной и Южной сторон, осмотрел Романовский институт физических методов лечения, где видел раненых офицеров, посетил Владимирский собор, лазарет Красного Креста и вечером отбыл в Екатеринослав.

Всем виденным в Севастополе государь остался очень доволен.

31 января, в субботу, в широкую Масленицу утром, государь приехал в Екатеринослав. После приема депутаций государь проехал в собор по широкому проспекту, что тянется целых шесть верст от вокзала до центра города. Праздничная толпа, масса учащихся весело приветствовали государя. То там, то здесь стоявшие оркестры исполняли гимн.

В соборе архиепископ Агапит в приветственной речи отметил особое значение государевых объездов России во время войны.

– Это ваш подвиг, ваше императорское величество, – говорил владыка. – Вы трудитесь, наблюдая русскую жизнь и душу православного человека в наши скорбные, но святые дни. Вы лично видите, как Святая Русь, вместе со своим царем, ничего не жалеет для блага своей родины.

Государь осмотрел три лазарета с ранеными, подвижной

госпиталь, осмотрел интересный музей Запорожский³⁷ имени Поля, где объяснения давал профессор Яворницкий, и принял несколько депутатий.

После завтрака с приглашенными государь отправился на Александровский Южнороссийский завод Акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода.

Завод занимал площадь в несколько квадратных верст, имел до девяти тысяч рабочих, шесть доменных печей и производил до 32 миллионов пудов чугуна в год. Теперь завод работал на войну для Военного, Морского и путей сообщения министерств.

Встреченный администрацией, государь пошел в мастерские, при входе в которые рабочие поднесли хлеб-соль. Завод работал полным ходом. Все рабочие были за станками или при своем деле. В некоторых местах стояли группы ночной смены, пожелавшие, вместо отдыха, видеть государя.

Государь медленно проходил от одного производства к другому, среди грохота, скрипа и шума машин, лязга железа, свиста вырывающегося пара. Инженеры делали подробные разъяснения. Государь подходил к отдельным рабочим, расспрашивал о работе, внимательно выслушивал ответы, благодарил и проходил дальше к соседнему рабочему.

³⁷ Екатеринославский исторический музей, основанный предпринимателем, археологом и меценатом А.Н. Полем, потомком гетмана П.Л. Полуботка. Особое место в экспозиции занимали предметы казачьей старины, связанные с историей запорожского казачества, почему музей часто называли Запорожским.

У доменных печей ручьем лился расплавленный чугун, направляемый к формам. Государь выслушивал объяснения. На особой площадке рабочих, когда подошел государь, направил огненный ручей чугуна по нарочно сделанной форме; и, шипя раскаленной массой и сверкая искрами, заблестели слова – «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ». Были уже сумерки, и это произвело особый эффект. Особенно внимательно отнесся государь к разъяснениям в том отделе, где шла переработка чугуна в сталь, и особенно для военных надобностей. Государь не скрывал своего удовольствия от всего виденного и слышанного и очень сердечно благодарил администрацию завода и просил передать благодарность рабочим за их усердную работу и за блестящий порядок.

В Екатеринославе различными обществами, организациями, корпорациями и сословиями было поднесено государю в общей сложности 275 000 рублей, и в том числе от лоцманов 500 рублей и от некоего крестьянина Усаченко тоже 500 рублей.

Посещение государем завода, непосредственное общение с рабочими произвели на последних огромное впечатление. Мои подчиненные докладывали мне потом, с каким вниманием устанавливали рабочие с ними порядок, как заботились они, дабы никто из посторонних не проник на завод.

Я, лично переживший не одну тревожную минуту за десять с лишком лет охраны государя, был тогда инстинктивно спокоен, хотя государь был в гуще нескольких тысяч неиз-

вестных нам рабочих. О какой-либо опасности для государя не было и мысли.

Слух о посещении государем завода широко распространился по губернии. Один из местных патриотов составил о том брошюру и пустил ее в обращение в большом количестве.

Из Екатеринослава государь направился в Царское Село, куда приехали утром 2 февраля.

В Царском Селе, во дворце была тяжелая атмосфера. К постоянной болезни ее величества прибавилось крайнее переутомление от работы в госпитале, от постоянных забот и волнений. Больная подруга – Вырубова – еще больше раздражала своими капризами и претензиями. Здоровье наследника было также нехорошо. Нога давала себя знать. Целыми неделями мальчик болел, и за ним требовался постоянный и очень внимательный уход. В последнем отношении положение было гораздо лучше, чем раньше.

Господин Жильяр, бывший раньше преподавателем, стал теперь гувернером наследника, а вернее, его воспитателем. Так неожиданно для всех разрешился этот важный педагогический вопрос. Государыня не хотела вводить в семью кого-либо из свиты. Для полковника Дрентельна, которого молва намечала в воспитатели, это был большой удар.

Глава 7

Февраль 1915 года. – Нехорошие вести с фронта. – Катастрофа с 20-м корпусом. – Слухи о предательстве подполковника Мясоедова. – Моя командировка в Финляндию. – Пятая поездка государя. – Посещение Гельсингфорса. – Шестая поездка государя. – Смерть графа Витте. – В Ставке с 1 по 10 марта. – Взятие Перемышля. – Возвращение в Царское Село. – Извещение об измене и казни Мясоедова. – Мясоедов и Гучков. – Подпоручик Коликовский и его заявление. Развитие дела о шпионаже. – Аресты. – Направление дела. – Выделение личного дела Мясоедова. – Суд и казнь. – Судебная ошибка. – Роль Ставки. – Значение дела Мясоедова. – Взрыв на Охте. – Скандал Распутина в Москве. – Генерал Адрианов и скандал. – Отъезд государя на фронт

В начале февраля 1915 года с фронта стали проникать очень нехорошие вести. Начав в последние дни января наступление на наш Северо-Западный фронт, германцы, занимавшие линию Мазурских болот и позицию вдоль реки Ангеран, внезапно обрушились целой армией на фланг нашей 10-й армии, которой командовал генерал Сиверс. Наши, 20, 26 и 3-й Сибирские корпуса, стали отступать на линию Сувалки – Августов. Погода в те дни была отчаянная. При массе снега бушевали бури, а затем вдруг наступила оттепель.

20-й корпус не успел отступить через Августовские ле-

са, был окружен германцами и, после боев в течение недели, был частью уничтожен, а частью взят в плен. Это была ужасная катастрофа. 8 февраля появилось сообщение Ставки, что наши войска оставили Восточную Пруссию. Публика раздувала неудачу. Стали говорить об измене. Называли имя подполковника Мясоедова, когда-то служившего в Корпусе жандармов, но давно его покинувшего.

В 20-х числах февраля меня командировали в Гельсингфорс ввиду предстоявшей поездки в Финляндию государя. Приехав туда, я повидался с начальником Финляндского жандармского управления полковником Ереминым, когда-то служившим у меня в подчинении в Киеве. Еремин знал свое дело и обладал хорошей агентурой. Он познакомил меня с положением вещей в Финляндии. Все благомыслящие пожилые люди относились к России лояльно, но много молодежи пробирались тайно в Германию и поступали там в [военные] образования, которые должны были вторгнуться в Финляндию, если там произойдет восстание. Это-то восстание и старалась поднять Германия. Однако наша жандармерия была начеку, и пока все было благополучно. Еремин рассказал мне, что за время его заведования особым отделом Департамента полиции он собирал сведения о Мясоедове. Были лишь обнаружены его подозрительные коммерческие знакомства, но и только. О них было доложено тогда же генералу Сухомлинову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.